

A movie poster featuring a woman with long, wavy blonde hair in a dark blue dress, a man with a beard in a white shirt kissing a baby on the cheek, and the baby in a grey sweater with a star on the sleeve. The background is a soft-focus indoor setting.

ВЕРОНИКА
ЛЕСНЕВСКАЯ

БЫВШИЙ

мама

ЛЮБОВЬ НЕ ЛЕЧИТСЯ

Вероника Лесневская

БЫВШИЙ папа.

Любовь не лечится

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70397260

SelfPub; 2024

Аннотация

– Доктор Богданов, у нас сложная пациентка. Направлена к нам на реабилитацию после ДТП.– Была за рулем? – Нет, пьяный водитель не справился с управлением и въехал в остановку, где стояла она с ребенком. Малышу нет и полугода. Не пострадал – она успела оттолкнуть коляску и приняла удар на себя. А сейчас требует отпустить ее домой, к сыну.– Настоящая мать... Отпустим, когда сама пойдет. И не таких упрямых на ноги ставили, – останавливаюсь у палаты. – Как зовут?– Надежда Богданова, однофамилица ваша. Невозможно. Только не она! Но... На больничной койке – моя бывшая жена, с которой мы развелись год назад. Вздрагивает. Узнала. И я не забыл.– Сколько месяцев ребенку? – спрашиваю не то, чем должен интересоваться врач. Читаю ответ в ее наполненных слезами глазах. Скажи, милая, за что? *ДОБАВЬТЕ/ОТЛОЖИТЕ КНИГУ СЕБЕ НА САЙТЕ И ЧИТАЙТЕ БЕСПЛАТНЫЕ ГЛАВЫ

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	52
Глава 6	58
Глава 7	68
7.2	72
Глава 8	76
8.2	81
Глава 9	85
Глава 10	93
Глава 11	101
Глава 12	107
12.2	111
Глава 13	116
Глава 14	126
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Вероника Лесневская

БЫВШИЙ папа.

Любовь не лечится

Пролог

Назар

– Уверена, что развод – единственный выход?

Протягиваю бывшей жене свидетельство о расторжении брака, но лишь сильнее сжимаю пальцы, когда она берет его с другой стороны. Ее аккуратные, круглые ногти без маникюра впиваются в уголок с печатью.

Не отпускаю. Это последняя связь, что осталась между нами. Проклятая бумага натягивается, противно хрустит.

– Все уже решено, Назар, – читаю по губам, потому что сиплого голоса совсем не различить. Приходится по памяти воспроизводить нежные, переливчатые нотки и «слушать» их в своем воображении. В реальности я и этого недостоин больше. – Нас развели сегодня, – снова беззвучно, но бьет наотмашь.

– Нет ничего необратимого, кроме смерти, Надя, – чекаю, сохраняя с ней зрительный контакт. Цепляюсь за любую нить, соединяющую нас, даже эфемерную. Сам себя обма-

нываю.

– Кроме смерти, – обреченно шевелит обескровленными губами.

Поздно понимаю, как жестко ошибся. Полоснул по больному.

Под нашими ногами разверзается пропасть, а я подливаю в нее кипящего масла своими неосторожными фразами.

Небесные глаза стекленеют и наполняются слезами, мокрые длинные ресницы медленно опускаются, по бледным щекам стекают прозрачные капли.

Надя вся как оголенный нерв. Не только сегодня, а на протяжении последнего года, худшего в нашей семейной жизни. Если ад существует, то он разбил лагерь под крышей этого дома.

– Прости.

Отдаю документ, в сердцах чуть не надорвав его. Черт, это всего лишь бумажка! Не причина, а следствие. Не очаг болезни, а метастазы. Посмертный заключительный диагноз.

Наш брак не выжил. Еще тогда... Год назад.

Вместе с НЕЙ...

Вскидываю руку к лицу. Грубо массирую пальцами переносицу, пытаюсь унять головную боль. Нервы сдают.

Когда открываю глаза, ревниво цепляюсь взглядом за обручальное кольцо, которое Надя дрожащей рукой стягивает с безымянного пальца. Оставляет на столе.

Вот и все. Точка.

– Надя, – не выдержав, хватаю ее за тонкое запястье, держу на себя.

Припечатываю хрупкое, исхудавшее тело к груди, обнимаю крепко, как в последний раз, провожу ладонью от пояса вверх к лопаткам. Зарываюсь пальцами в шелковистые, пшеничные волосы, струящиеся водопадом по плечам, сгребая копну в кулак. Шумно вбираю носом тонкий, сладковатый запах ее кожи, настоящий, без примесей духов. Дурманит похлеще алкоголя, усыпляя здравый смысл и обнажая чувства.

Еще раз произношу ее имя, с болезненным надрывом и бессильной злостью, и осекаюсь. Замираю, сковав больше не свою женщину в капкане рук.

Молча касаюсь губами холодного лба. Все слова уже сказаны, мосты сожжены. Мы стоим на пепелище нашей семьи, которую так и не успели достроить.

– Мы уже «попрощались», хватит, – Надя выкручивается из объятий и отворачивается, слизывая слезы с губ.

Намекает на то, что между нами произошло на днях.

Срыв в пустоту. Безумие на грани апокалипсиса. Когда мир вокруг рушится и надо взять от последних секунд жизни по максимуму. Адреналин зашкаливает, мозг отключается, а после... откат. Разочарование и вина в ее глазах.

Оказывается, что мы все еще живы – и надо идти дальше. Врозь. Каждый своей дорогой.

– Может, нам просто нужно больше времени, чтобы...

– Забыть? – поднимает на меня полный горечи и обиды взгляд. – У тебя всегда все просто, Назар. Я так не умею! Разве можно это забыть и спокойно жить, будто ничего не случилось? Я пыталась, но... – надрывно всхлипывает, не сводит с меня глаз, изучая каждую черточку моего лица. Протяжно вздыхаю, предупреждая качая головой. Только не снова! Однако Надя упрямо продолжает: – Я не могу так больше. Каждый день смотреть в твои глаза и видеть ее. Она бы выросла твоей копией. Папиной дочкой, если бы не...

– Прекрати, Надя, ты не видела ребенка! Тебе даже не показали его, а сразу унесли, – повышаю голос, пытаюсь достучаться до нее. – Остальное – это игры воображения, подкрепленные стрессом и горем. Ты категорически отказалась от препаратов и консультации психолога...

– Хватит выставлять меня сумасшедшей! – выкрикивает, роняя слезы. Обхватывает себя за трясущиеся плечи, прячется. – Я не только видела, но и прижимала ее к груди, смотрела в глаза. В точности такие, как у тебя. Мне дали малышку буквально на доли секунды, прежде чем забрать. Тогда она была еще жива. Почему ты мне не веришь?

– Потому что нашего ребенка больше нет, – выпаливаю в сердцах. – И ты должна принять это!

– Тогда и нас нет, – всхлипывает.

На дне ее зрачков столько боли и отчаяния, что сердце рвется. Обнять бы, успокоить, но она возводит невидимую стену, защищаясь от меня, как от злейшего врага. А ведь я

лишь хочу помочь.

Надя пошатывается, подается вперед и опирается двумя руками о стол.

Подлетаю к ней, беру за плечи, чтобы удержать в случае обморока. Взволнованно осматриваю.

– Тише, – уговариваю ласково, импульсивно целуя бледные, ледяные щеки. – Закончим этот разговор. Присядь, дыши глубже, – отодвигаю для нее стул. Устраиваюсь рядом, обхватываю безвольные маленькие ладони, подношу к губам и согреваю дыханием. – Я не хочу, чтобы у тебя случился приступ.

– Тогда просто отпусти меня, – устало лепечет.

– Уже отпустил, – киваю на след от обручального кольца на ее пустом пальце.

– Спасибо.

В полной тишине раздается лишь мерное тиканье часов.

Некоторое время мы оба сидим неподвижно. Безмолвно прощаемся. Надя не отнимает ладоней, впитывая мое тепло, пристально смотрит на место сплетения наших рук. Будто напоминает нас.

С тоской улыбнувшись мне, осторожно поднимается. Прячет свидетельство в сумку, а к кольцу не притрагивается. Задумчиво озирается, сканируя комнату, чтобы ничего не забыть.

Чтобы... не вернуться.

Облокотившись о косяк двери, я заторможено наблюдаю,

как она собирает вещи. Крупный багаж был перевезен к ее родителям еще месяц назад, когда мы подали заявление. Остались мелочи. Но она скрупулезно забирает каждую, чтобы не оставить мне ничего на память о себе.

– Надя, – окликаю ее, когда она переступает порог. – Если решишь вернуться, наш дом всегда открыт для тебя, – акцентирую на слове «наш».

– Прощай, – на миг оборачивается. – Будь счастлив, – звучит нежно и искренне, но я воспринимаю эту фразу как злую насмешку.

– Не получится, – выдыхаю в закрывшуюся за ней дверь. Яростно сминаю свой экземпляр свидетельства о разводе. Небрежно бросаю в шкаф вместе с Надиным кольцом. Прокручиваю на пальце золотой ободок, который прожигает кожу до костей, как кислота, но почему-то не снимаю.

Плеснув немного коньяка в стакан, опускаюсь на край давно остывшей супружеской постели.

Поминаю нас...

Брак расторгнут.

Глава 1

Год спустя

Назар

Легким движением, отточенным до автоматизма, ставлю размашистую подпись в графе рядом с печатью реабилитационного центра. Откладываю документ, беру следующий. Рука висит в воздухе, перо так и не касается бумаги, а взгляд скользит по обручальному кольцу на безымянном пальце.

Сегодня особая дата, которую хотелось бы стереть из памяти. Если бы все было так просто...

– Черт! Гадство! – взрываюсь без объективной причины, на нервах едва не оставляю метку под фамилией лечащего врача, а не своей. Психанув, отбрасываю ручку. Новенький паркер скатывается со стола мне под ноги, и я безжалостно наступаю на него подошвой сменной обуви, надавливая до хруста корпуса.

Легче? Да ни хрена!

Фокусируюсь на календаре, гипнотизируя месяц и число. Это день, когда все рухнуло.

Годовщина развода.

Я специально взял круглосуточное дежурство, чтобы не напиться в пустом, огромном доме. Сбежал от проблем и мрачных мыслей, спрятался под медицинским халатом. Ди-

ректор центра, которому принадлежит здесь все, а работаю как проклятый. Лишь бы отвлечься.

Забыть не получается. Я пытался.

Сразу после расторжения брака рванул за границу. Около полугода практиковал в европейской клинике под руководством дяди, ведущего нейрохирурга. Все члены моей семьи связаны с медициной. И женщины, и мужчины. Каждый – специалист в своей области. Врачебная династия.

А Надя...

Надя была простой медсестричкой, когда мы познакомились. Именно так, уменьшительно-ласкательно, а иначе язык не поворачивался ее назвать. Молоденькая, старательная, воздушная. Медсестричка Наденька. С сияющей улыбкой и светло-голубыми, почти прозрачными глазами на пол-лица. Несмотря на возраст и внешнюю хрупкость, она хваталась за любую работу. Крови не боялась, от тяжелых дежурств не отлынивала, ничем не брезговала.

Мои родители ей прочили успешную карьеру в медицине, а если быть честным, попросту давили на нее и побуждали поступать в институт. Связываться с младшим медицинским персоналом для династии Богдановых не комильфо.

Правда, мне было плевать. Я связался – и ни дня об этом не пожалел. Надя с моей семьей не спорила, пыталась соответствовать и упорно готовилась к экзаменам, пока не... забеременела. Признаться, мы оба были рады и с нетерпением ждали малыша... Но счастье продлилось до первого скри-

нинга.

– Надя... Надя, – повторяю в пустоту, прокручивая кольцо на пальце. – Как из головы тебя выбросить?

Год... А ощущение, будто только вчера она плакала в моих объятиях. Только вчера собирала вещи. И ушла только вчера.

А я не остановил. Не смог. Она так просила отпустить. Умирала рядом со мной, будто я из нее жизнь высасывал.

Я пообещал оставить Надю в покое – и выполнил, как бы тяжело мне ни было.

Год... Ни весточки.

Лишь однажды, по возвращении в Россию, я все-таки не выдержал и позвонил ее родителям, чтобы убедиться, что она в порядке. Мне ясно дали понять, что мне там не рады. После этого я и решился возглавить проблемный реабилитационный центр, с которым никто не хотел связываться, чтобы не отвечать за ошибки предыдущего директора. Отец был в шоке от моей новой должности, ведь это как выстрел себе в голову, но я остался непреклонен. Мне нужно было дело, которое заполнило бы все мысли. Я закопался в бумагах, от злости перестряс здесь все, поувольнял нечистый на руку персонал и набрал новый. Мне было чем заняться, но тоска так и осталась моей постоянной спутницей.

– Доктор Богданов, выручайте, у нас сложная пациентка, – в кабинет без стука врывается врач-реабилитолог и с недавнего времени мой заместитель Вячеслав Никитич. Показа-

тельно морщусь от обращения, и он исправляется: – Назар, я без вас не справляюсь! Никак, – вытирает взмокшее лицо марлевой повязкой, небрежно сует ее в карман. Ждет в проеме, пока я встану и выйду из кабинета. – Она отказывается от помощи. Направлена к нам на реабилитацию после ДТП.

– Была за рулем? – уточняю уже на ходу. Никитич никогда не беспокоит по пустякам, да и субординацию соблюдает. Значит, ситуация действительно патовая.

– Нет, какой-то урод не справился с управлением и въехал в остановку, где стояла она с ребенком.

Спотыкаюсь на ровном месте, замедляю шаг.

– С ребенком? – сердце обрывается. Старая рана кровоточит и болит. Воспоминания накатывают волнами. Не вовремя.

Всему виной проклятая годовщина.

– Да, у нее сын, – продолжает врач. – Малыш не пострадал – она успела оттолкнуть коляску и приняла удар на себя.

– Настоящая мать, – выдыхаю с облегчением и светлой грустью.

Надя была такой же. Как тигрица, боролась за нашего ребенка. Грызть была готова всех вокруг, и даже меня. Но не смогла вырвать дочку из цепких лап судьбы.

– Хм, да, но несговорчивая, – тяжело вздыхает. – Только поступила, а уже требует отпустить ее домой, к сыну.

– Отпустим, когда сама пойдет. И не таких упрямых на ноги ставили, – останавливаюсь у палаты, нажимая на ручку

двери. – Как зовут? – киваю на историю болезни в руках Вячеслава Никитича. – Мне как к ней обращаться?

– Надежда Богданова, однофамилица ваша, – невозмутимо называет имя, от которого меня бросает в холодный пот. В этот же момент я толкаю дверь и машинально, как робот, переступаю порог.

Невозможно. Только не она! Но...

На больничной койке – моя бывшая жена, с которой мы развелись год назад.

Встречаемся взглядами.

Вздрагивает. Узнала. И я не забыл.

– Сколько месяцев ребенку? – спрашиваю совсем не то, чем должен интересоваться врач.

Читаю ответ в ее широко распахнутых, наполненных слезами глазах.

Значит, дома Надю ждет младенец. Скорее всего, наш сын, о рождении которого я даже не подозревал. Не заслужил быть отцом. Сдерживаюсь с трудом, потому что осознание бьет прицельно в сердце, разрывая его на части.

Мир вокруг вдруг перестал существовать. В палате только мы вдвоем. Я и моя одержимость.

Скажи мне, милая, за что ты так со мной?

Глава 2

Ранее

Надежда

Ослепляющая вспышка фар, грозный рев мотора и... пронзительный визг тормозов.

Черный автомобиль заносит на скользком асфальте. Огромная махина разрезает плотную стену дождя, оглушительно сигналит и на полной скорости мчится на нас с сыном.

Счет идет на доли секунды. Шансов нет.

Эмоции мгновенно отмирают, остается лишь жгучий материнский инстинкт. Именно он побуждает меня с силой оттолкнуть от себя коляску.

Последнее, что я слышу, это жалобный детский писк из люльки, проникающий в самое сердце и разрывающий его изнутри.

В голове одна мысль: «Сыночек, не пострадай!»

Неужели я и правда проклята, если после утраты первого ребенка судьба заберет у меня и второго?

Удар. Толчок. Кромешная тьма.

Острая, адская боль пронизывает спину и отдает в ноги. Ощущение, будто все кости ниже пояса раздробили в пыль, а мышцы перекрутили в мясорубке.

Просыпаюсь в слезах. Меня трясет, как в лихорадке. После кошмара не получается сориентироваться и понять, где

я нахожусь. С губ машинально срывается:

– Сынок? Малыш...

Рука скользит по холодному, пустому матрасу. Паника захлестывает меня с головой, но я выныриваю в последний момент. Мысленно встряхнув себя, собираюсь по крупицам.

Осматриваю палату – и медленно возвращаюсь в реальность. Вспоминаю, как вчера меня привезли из больницы в реабилитационный центр. Сбросили, как балласт, потому что я безнадежный пациент.

Все тело продолжает ныть. Полностью. Покалывает вплоть до ступней и самых кончиков пальцев. Или мне кажется? Это невозможно, ведь я ничего не чувствую ниже пояса.

Пытаюсь пошевелиться – слышатся только руки. Приподнимаюсь на локтях, хватаюсь за специальный поручень и подтягиваюсь. Выдохнув, опускаю взгляд на свои ноги, безвольно покоящиеся на кровати, будто чужие, игрушечные.

Показалось.

Фантомные боли.

Я по-прежнему... инвалид. До конца дней. И это еще не самое страшное – на себя мне плевать. Настолько, что я не хочу слушать слова утешения и обещания чудесного исцеления. Ложь! Я насмотрелась на последствия подобных травм, когда работала медсестрой. Но я научусь жить дальше ради самого дорогого человечка на земле.

Сейчас, завтра и всегда я нужна своему ребенку. Только

он имеет значение.

Протягиваю руку к тумбочке, беру телефон – и откидываюсь на подушки. Глядя в белый больничный потолок, подношу трубку к уху, вслушиваясь в долгие гудки.

– Мамуль, как там Назарка? – выпаливаю сразу же, как доносится щелчок соединения.

Мой маленький Назар Богданов. Все, что осталось мне от погруженной в руины семьи. Родители считали меня мазохисткой, но я дала ребенку отчество и фамилию отца. Все, кроме него самого. Не решилась. Побоялась говорить бывшему мужу о беременности раньше времени. Каждый раз, когда я намеревалась позвонить ему, в памяти всплывали его слова об аборте. И палец сам нажимал на иконку отключения. Я бы не выдержала повторения истории.

Теперь, когда сын родился живым и без отклонений, возможно, пора признаться. Здорового, полноценного малыша Назар бы принял и, наверное, полюбил. Не знаю. За несколько лет брака я так и не поняла, как устроен мой бывший муж. Что у него внутри? Там, где должно быть сердце?

Богданов был со мной разным, будто в нем уживались две противоположности: внимательный, ласковый, любящий супруг и бесчувственный, рациональный, квалифицированный медик. Какую личность я разбужу своей новостью о ребенке? Тем более, сейчас, когда я сама прикована к постели? К долгожданному наследнику врачебной династии прилагается бракованная мать. По логике Богдановых, меня следует

сбросить со скалы.

– Наденька, все хорошо, мы с отцом справляемся, – шепчет в трубку мать, а на фоне раздается требовательный крик сынишки, от которого сердце трескается и разлетается на осколки. Эта боль сильнее физической.

– Опять плачет? – обреченно всхлипываю. Душа рвется к сыну. Бьется в бессильной истерике вместе со мной.

– Доченька, это же младенец. Конечно, он будет плакать. Ничего серьезного, – успокаивает меня мама, но легче не становится. – У него всего лишь колики.

– Очередная смесь не подходит, – вздыхаю, качая головой. – Я должна быть с ним и кормить грудью, пока молоко окончательно не пропало.

– Ты не о том думаешь, Наденька, – укоризненно отчитывает меня. – С внуком мы справимся, а ты выздоравливай. Поднимайся на ноги.

– Мам, это невозможно, – резко осекаю ее. – Я слышала разговор врачей, которые направили меня сюда. Шансы встать ничтожные. Если коротко: ходить буду разве что под себя, – горько усмехаюсь.

– Что? – вскрикивает мать. Назарка заходится истошным воплем, и она, судя по шорохам, берет его а руки. Качает, продолжая разговаривать со мной, но уже тише и нараспев. – Так и сказали?

– Примерно, – хмыкаю, ничего не чувствуя. – Так что от меня просто избавились, поместив в дорогой «санаторий».

А из вас тянут большие деньги, как из банкомата. Нам есть, на что их потратить.

– Солнышко, заработаем. Не думай о финансах. Лишь бы ты здорова была! Что же ты так предвзято относишься к медикам? – сокрушается, а следом цокает, отвлекая ребенка. – Ты же сама работала в этой сфере. И муж был врачом.

– Поэтому я им больше не верю, – хмуро отрезаю, закрывая болезненную тему моего прошлого. – В общем, мам, я все решила. Сегодня попрошу выписку. Руки, голова на месте. Справлюсь! Буду передвигаться в коляске, это не конец света. Другие ведь как-то приспособливаются? Мне всего лишь нужно смириться с новым, дефектным телом и научиться в нем жить. Чем быстрее я приму свою неидеальную оболочку, тем лучше.

– Надюша, но... – начинает мама, однако ее перебивает очередной крик ребенка.

Обрываю звонок одновременно со стуком в дверь. В палату входит мужчина средних лет в медицинском костюме и значком центра на груди. Широко улыбается, словно я здесь на отдыхе, и всем своим видом пытается расположить меня к себе. Но тщетно – я настроена выбраться отсюда как можно скорее.

– Здравствуйте, Надежда, я ваш реабилитолог. В ближайшие недели я буду заниматься с вами и назначать все необходимые процедуры...

– Вячеслав Никитич, – читаю его имя на бейджике. Стара-

юсь быть вежливой и уравновешенной, но голос предательски дрожит. – Я хочу выписаться и забрать предоплату. Как это можно сделать?

– Что? – сводит густые, посеребренные сединой брови к переносице. – Нет. Вы же только поступили.

– Это была ошибка, – уверенно произношу и выдавливаю из себя неестественную улыбку. – Спасибо вам за все. Извините, я передумала. Меня дома ждет четырехмесячный ребенок, я должна быть с ним.

Вместо того чтобы оставить меня в покое и отпустить, Вячеслав Никитич двигает стул к моей постели и садится рядом. Всем своим поведением показывает, что меня ждет долгая и нудная лекция.

– Думаю, вами руководит страх, но послушайте...

– Позовите главного! – строго чеканю, включая командный тон.

На удивление, мой приказ срабатывает лучше просьбы. Врач задумчиво кивает, поднимается с места и исчезает за дверью.

Минут десять спустя возвращается... Но уже не один...

Он приводит с собой мое прошлое, которое не забылось и не отболело. Выворачивает меня наизнанку, потрошит, как опытный маньяк. Впервые за все последнее время я не уверена, что выдержу. Не могу даже дышать.

«Назар», – слабо шевелю онемевшими губами.

Это галлюцинация. Я отключилась и опять вижу страш-

ный сон. Бесконечный кошмар, от которого не избавиться и не скрыться.

Крохотная надежда, что мы сможем сделать вид, будто не знаем друг друга, и мирно расстаться, разбивается об его хлесткий, ледяной, пропитанный гневом вопрос:

– Сколько месяцев ребенку?

* * *

Наша зрительная сцепка причиняет острую боль и доводит меня до безумия. Хочу зажмуриться, но вместо этого смотрю на бывшего мужа широко распахнутыми глазами. Тело не подчиняется мне, будто парализовано полностью, от макушки до пальцев ног. По щекам градинками скатываются горячие слезы. Слова застревают в горле, царапая его изнутри и безжалостно раня шипами.

Я не готова к встрече с Назаром, тем более, при таких обстоятельствах. Мне казалось, он до сих пор за границей. Где угодно, но только не здесь – в самой недорогой палате реабилитационного центра.

Не время и не место для признаний. Но, кажется, он и так все понял...

– Четыре месяца, если я правильно запомнил, что сказала Надежда, – невозмутимо бросает Вячеслав Никитич, с ободряющей улыбкой покосившись на меня. – Что-то не так, Назар Егорович? – переводит взгляд на застывшего в дверях Богданова.

Назар становится темнее грозовой тучи, хмуро сводит

брови, прищуривает золотистые глаза, которые сейчас кажутся желтыми, как у демона. На дне зрачков, в гневном пламени читается немой укор: «Почему не сказала?» Слабо, чуть заметно качаю головой в ответ. Говорить внятно по-прежнему не могу. Я бы пожелала себе смерти в этот момент, но нельзя: я нужна сыну. Нашему сыну.

Сняв в руке бумаги, Богданов наклоняет голову, медленно изучая меня, будто видит впервые и не узнает. Останавливается на моих обездвиженных ногах, безвольно покоящихся на постели. Вздрагивает, словно просыпаясь. Меняется в лице. Вновь испытывает меня взглядом, только уже другим – снисходительным и наполненным жалостью. Такой вынести еще тяжелее.

– Та-ак, принимайте соседку, – раздается из коридора тяжелый голос медбрата. – Придержите дверь, – летит вдогонку, а в палату въезжает коляска с полусонной бабулей, колесом упирается Богданову в ногу, и он, очнувшись, поспешно уступает дорогу. – Извините, Назар Егорович.

– Палата двухместная, – произносит мой бывший не вопросительно, а, скорее, задумчиво. Осматривает помещение, провожает взглядом медбрата, заторможено наблюдает, как тот укладывает грузную, охающую пациентку на койку у противоположной стены.

На меня старается не смотреть, будто ему неприятно мое присутствие. И вся ситуация в целом. Не осуждаю его за это. Мне тоже плохо рядом с ним.

– Да, – отзывается Вячеслав Никитич незамедлительно. – Смирнова только сегодня поступила, путевка на две недели, – кивает на бабулю. Pokосившись на мрачного Богданова, на всякий случай уточняет с виноватыми нотками: – Остальные палаты «Стандарт» на этаже заняты. Толька эта осталась.

– Я хотела бы выписаться, заодно и место у вас освободится, – рискую вклиниться в беседу, а меня окатывает волной негодования. – Мне надо... домой, – вовремя меняю формулировку, чтобы лишний раз не напоминать о ребенке.

Назар подходит к кровати, бросает историю болезни на тумбочку, а сам угрожающе нависает надо мной, припечатывая взглядом к постели.

Он так близко. Достаточно протянуть руку, чтобы дотронуться и убедиться, что он реальный, из плоти и крови, а не иллюзия или один из моих снов. Я впускаю в себя его запах. У медиков он особый – с примесями лекарств, которые будто въелись в кожу. Однако у Назара это гармонично соединяется с его личным ароматом, морским и свежим. Говорят, если женщине нравится, как пахнет мужчина, значит, он ей подходит. Не врут...

С Богдановым у нас была идеальная совместимость. К сожалению, продлилось наше счастье недолго...

– Хорошо, Надежда, вставайте и уходите, – неожиданно заявляет он с каменным выражением лица. Обращается на вы. Как врач к пациентке, в привычной ему грубоватой ма-

нере.

– Я ведь... не могу, – на секунду теряюсь. За время разлуки отвыкла от его стиля общения.

– Значит, поговорим о выписке позже, – наклоняется ко мне, и я замираю, затаив дыхание. – Когда сможете самостоятельно ходить, – чеканит безапелляционно.

В нем просыпается специалист, непреклонный и целеустремленный. За годы практики он многих вылечил, но даже у безупречного доктора Богданова есть свои скелеты в шкафу, и я, скорее, пополню коллекцию, чем смогу выздороветь.

Собираюсь с духом, чтобы повторить просьбу и настоять на своем, но он вдруг тянет руку к моим ногам. Касается лодыжки, сжимает – и я непроизвольно дергаюсь.

– Почувствовала? – Назар напряженно косится на меня, моментально перейдя на ты. Продолжает ощупывать, без какой-либо интимной подоплеки, а машинально, с профессионализмом и знанием дела.

«Вспомнила», – мелькает в мыслях, а сознание воспроизводит знакомое тепло его сильных рук.

– Нет, – шепчу еле слышно. Откашливаюсь. – Я просто увидела и отреагировала. Наверное, – сжимаюсь под его пристальным, подозрительным взглядом.

Он по очереди сгибает мои ноги в коленях и возвращает в исходное положение. Опускает и поднимает одну стопу, потом вторую, проходится пальцами по ступне – и я замечаю

маленькую булавку в его руке.

– Нет, совсем ничего не чувствую, – подтверждаю с горечью и поджимаю губы, будто виновата перед ним в том, что получила травму.

Пробудившаяся от его первого прикосновения надежда вновь умирает. В душу возвращается безысходность – моя постоянная спутница в последние годы.

– Кхм, – все, что может произнести Назар.

Выпрямляется, потирая подбородок, берет с тумбочки историю болезни. Приседает на край матраса рядом со мной, а у меня даже нет возможности отодвинуться. Украдкой изучаю его, пока он листает бумаги.

За год Назар будто постарел. Появилась легкая седина на висках, возле глаз и на лбу пролегли новые морщины, лицо потемнело и осунулось, взгляд потускнел. Знаю, что и я выгляжу неважно – от эффектной блондинки, которую он когда-то взял замуж, не осталось ни следа. Мы оба гаснем и истощаемся вдали друг от друга, но вместе нам еще хуже.

Вытащив из папки снимки, Богданов подносит их к свету.

– Вячеслав Никитич, запишите Надежду на рентген позвоночника, – дает распоряжения. – Проверим повторно на нашем новом оборудовании.

– Бесполезно, – комментирую несмело.

– Половина успеха лечения зависит от настроения пациента, – поучительно тянет, складывая снимки между листами с результатами анализов.

– Врач в больнице сказал, я никогда не встану, – выпаливаю на рваном выдохе, и это звучит жалко.

– Хреновый врач, – ругается Назар с грудным рыком. Злитесь то ли на чересчур прямолинейного хирурга, то ли на меня, то ли на собственное бессилие. – Кто оперировал? – бросает через плечо.

– В истории есть фамилия нейрохирурга, – подсказывает реабилитолог.

Богданов нервными движениями дергает листы, находит нужную строчку, ведет по ней пальцем.

– Хм, ясно, – захлопывает папку.

Молча встает, поворачиваясь ко мне спиной. Собирается уйти, так и не отпустив меня. Бросить в палате один на один со своими переживаниями и... бабулей, которая уснула сразу же после ухода медбрата. Не для этого я вызывала главного врача! Я по-прежнему хочу уехать домой.

Приложив усилия, опираюсь на локоть, поднимая корпус, будто чужой, и подаюсь вперед.

– Назар... – почти невесомо касаюсь тыльной стороны его ладони. Кожа искрит, и разряд тока проносится по всему телу. Пальцы соскальзывают к гладкому металлическому ободку. Только сейчас обращаю внимание на обручальное кольцо, которое я цепляю ногтем. До этого момента мой мозг усиленно игнорировал его, будто у меня развилась избирательная слепота. – Егорович, – одергиваю руку, стоит ему оглянуться. – Я должна быть с сыном.

– Разве больше некому о нем позаботиться? – обычная фраза звучит в его устах как упрек. Богданов сдерживается при посторонних, чтобы не выпалить лишнего, и я благодарна ему за это. Лишь сжатые до белых костяшек кулаки выдают его истинное состояние.

– Он с моими родителями, – признаюсь еле слышно. – Но ребенку нужна мать.

– А отец? – читаю по губам то, что он не произносит вслух. Шумно вбираю носом воздух, пытаюсь унять бурю в груди. Подбородок дрожит, на ресницах застывают слезы. Откидываю голову на подушку и лежу, уставившись в потолок. Одинокая капелька предательски стекает по виску. Надеюсь, Назар не видит.

В повисшей тишине раздаются тяжелые шаги. Неумолимо отдаляются, а в какой-то момент резко затихают у выхода.

– Вячеслав Никитич, «випка» напротив моего кабинета свободна? – ледяной тон Назара заставляет меня задрожать всем телом.

– Да, но вы же не любите, когда мы в нее кого-нибудь заставляем...

– Сегодня же переведите туда Богданову, – властно приказывает, с особой интонацией называя меня по фамилии. Так, словно не было развода, а я все еще принадлежу ему. – Историю я забираю. Пациентку перекиньте на меня. Я буду вести ее лично.

Не успеваю оправиться от шока, как дверь захлопывает-

ся за его спиной. В Назаре не только включился врачебный азарт, но и вспыхнуло нечто большее. Сегодня он предстал передо мной в новой ипостаси, от которой я понятия не имею, чего ожидать.

Глава 3

Назар

Выдержки хватает лишь на то, чтобы на ватных ногах пересечь коридор и дойти до кабинета. Игнорирую вопросы медперсонала, не вникая в их суть, жестом отказываю преградившей путь пациентке, перенаправив ее в приемную, отрицательно качая головой подошедшему коллеге-врачу.

– Не сейчас, я занят, – строго отрезаю и закрываю за собой дверь, дерганым движением поворачивая ключ в замке.

Упираюсь лбом в прохладный, гладкий пластик, прикрываю глаза и судорожно пытаюсь выровнять сбившееся дыхание. Одной рукой держусь за ручку, сжимая ее до судороги, а пальцами второй – врезаюсь в историю болезни, безжалостно терзая и сминая обложку.

Внутри кипит бурлящая лава, перетекает по венам, выжигая меня изнутри. Сознание не успевает обработать информацию и не может принять шокирующую новость.

Сын.

У нас с Надеей есть сын. После всего ада, который мы пережили вместе и по одиночке, он как исцеляющий лучик. Выход из бесконечного лабиринта, где бывшая жена год назад оставила меня умирать. Вонзила нож в сердце своим решением о разводе и бросила истекать кровью.

Беременность, роды, первая улыбка малыша. Живого ре-

бенка! Моего! Родного! Надя лишила меня всего. Не дала шанс измениться и стать на этот раз хорошим отцом.

Злюсь ли я на нее? Безумно. Этот факт невозможно отрицать. Понимаю ли ее выбор? Отчасти. Однако от этого мне ни капли не легче.

Я ведь ради них на все готов...

От бессилия хочется реветь медведем.

А-а-ай!

Не замечаю, как кулак влетает в пластик, и кольцо оставляет царапину. Отшатываюсь от двери, бреду к рабочему столу.

Заставляю себя сосредоточиться на том, что Надя прикована к постели. Как бы она не презирала и не отталкивала меня, только я могу ей помочь, потому что не привык отступать. Я нужен им с сыном.

Будто по щелчку, отключаю эмоции. На смену ярости, шоку и обиде приходят холодный расчет и бездушный врачебный профессионализм.

Глубокий вдох – и пауза.

Остыв, открываю историю и листаю ее, внимательнее вчитываясь в показатели. Сканирую бумаги – и отправляю их дяде за границу. Обращаюсь к нему за советом, как в старые добрые времена, когда я был зеленым интерном.

Наверное, он удивится и посмеется надо мной, но мне все равно. Я не имею права на ошибку. Всего одна попытка вытащить Надю и... вернуть. Зря я отпустил ее год на-

зад. Устал, смалодушничал, отчаялся. Теперь пожинаю плоды своего рокового поступка.

– Вячеслав Никитич, когда будут готовы снимки Богдановой? – нетерпеливо рычу в трубку, подгоняя доктора.

– Отправил пациентку на рентген вне очереди, – отчитывается незамедлительно. – Могу лично занести вам результаты.

– Будьте добры. И снимки, и диск, – уточняю, параллельно переписываясь с дядей.

Как только получаю результаты, сразу же перенаправляю ему. Работать не могу, мыслями постоянно уношусь к Наде. Моделирую наш разговор, однако в каждой версии опускаюсь до претензий. Нельзя. Именно поэтому в палате я сделал вид, что мы чужие люди. Впрочем, так и есть. Надя обрезала последнюю нить между нами, когда скрыла ребенка.

Я обязательно спрошу, почему она так поступила со мной, но не сейчас.

У меня нет жены. Я обязан сконцентрироваться на пациентке Надежде Богдановой.

* *

– Слушаю, дядя Марк! – выпаливаю в трубку, подняв ее в первые же секунды звонка. – Посмотрел снимки? Что скажешь?

– Привет. Ты на взводе, давно не слышал тебя таким, – отмечает с подозрением. – Важная пациентка?

– Ты же прочитал ее имя в истории, – бросаю ледяным

тоном.

– Да, но оставалась небольшая вероятность, что однофамилица, – тянет он задумчиво. – Значит, твоя Надя... Надо же. Ирония судьбы. Как она?

– Об этом я тебя хотел спросить, дядя, – не выдержав, повышаю голос. – Какие шансы, что она сможет ходить?

– Сложно делать прогнозы, особенно в ее случае. Я бы сказал, пятьдесят на пятьдесят, – невозмутимо подсчитывает, а я до боли сжимаю пальцами переносицу.

– Хотелось бы больше, – рассуждаю вслух.

Мысленно смеюсь над собой. За годы практики пора бы привыкнуть, что чудес в нашем деле не бывает. Каждый крохотный шаг пациента – это результат тяжелого, кропотливого и длительного труда целой команды медиков. Надина ситуация не исключение.

– Многое зависит от реабилитолога, но, как я понимаю, Надежду ты возьмешь на себя? – догадывается мгновенно.

– Уже...

– Это скорее минус, чем плюс, – цокает языком неодобрительно. – Специалист ты высококлассный, однако... Не боишься, что твоему профессионализму помешает личное отношение? У нас не принято лечить родственников, это негласное правило существует неспроста.

– Я справлюсь, – выдаю убедительно, но в глубине души сам себе не верю.

Наденька... У меня и раньше рядом с ней мозги отклю-

чались, а после долгой разлуки и учитывая обстоятельства в виде нашего маленького сына...

Справлюсь ли? Обязан!

– Как знаешь. Разубедить тебя я все равно не сумею, – хмыкает скептически. Представляю, как при этом дядя разочарованно взмахивает рукой и бубнит себе под нос, что упертого барана Назара не переспорить. Действительно, я никому не подчиняюсь, наверное, кроме Нади. Она всегда умела находить ко мне подход. Настала моя очередь... – Со своей стороны я помогу тебе составить курс реабилитации, подскажу, на что обратить внимание. Тебе придется чаще быть с Надеждой, внимательно наблюдать за ней, подмечая малейшие сдвиги, а она должна честно говорить тебе обо всех своих ощущениях. Последствия травмы позвоночника непредсказуемы. У некоторых пациентов чувствительность появляется внезапно, у других на восстановление уходят годы, а есть те, кто так и не встает. Назар, ты должен быть готов к любому исходу.

– Я ее подниму, – спору не с родственником, а с самой судьбой. – Как думаешь, Наде нужна будет повторная операция?

– Не вижу смысла. Судя по свежим снимкам, было сделано все возможное и, главное, вовремя, – успокаивает меня, и я шумно выдыхаю в динамик, не скрывая облегчения. Значит, бестактный нейрохирург в местной больнице все-таки знает свое дело. Одной проблемой меньше. – Дальше только

ваш общий труд и... доверие.

– С этим сложнее, – заторможено шепчу после того, как связь обрывается.

В очередной раз пролистываю историю болезни, фокусируюсь на фамилии и инициалах Нади, провожу пальцами по бездушным буквам, в которых ищу скрытый смысл. Не отказалась от меня, хоть и развелась. С другой стороны, ей было не до смены паспорта – она сосредоточилась на беременности. Получается, и сыну Надя дала мою фамилию. А отчество?

Очнувшись, откладываю папку в сторону, пока не затер ее до дыр. Открываю ноутбук, запускаю таблицу, чтобы составить примерный график занятий и процедур на первые дни, а после мы с дядей утвердим полный курс.

Реагирую на шум и грохот в коридоре, сбиваюсь с мысли. Стены в центре тонкие, и слышимость хорошая. Терпеть не могу, когда меня отвлекают, именно поэтому ближайшая к моему кабинету «випка» всегда пустовала. До этого дня.

Обычно я ценю тишину и спокойствие, но сейчас прислушиваюсь к каждому звуку, пытаюсь уловить родной женский голос.

Сдаюсь окончательно – и, оставив рабочее место, приоткрываю дверь. В палате напротив не заперто, Надя уже внутри, приглушенно общается с кем-то по телефону. Но обрывки фраз все равно доносятся до меня. Впервые за все время работы благодарю отвратительную звукоизоляцию.

– Что значит, вы уже едете ко мне? Зачем? – ахает бывшая. – Мне ничего не нужно. Мама, лучше заberi меня домой, – звучит несколько по-детски, впрочем, в ее состоянии это простительно. Надя и так стойко держится, без истерик и паники. Она будто в вакууме. – Нет, я не передумала... Я по-прежнему не хочу здесь находиться... Теперь еще сильнее, – больно ранит словами, не подозревая, что я все слышу. – Прости, не хотела обидеть, – после паузы лепечет виновато. Не мне, разумеется, а матери. – Давай обсудим все, когда вы приедете. Я отпрошусь на прогулку, ладно? Буду на связи. Если получится, встретимся у главных ворот. Аккуратнее на дороге, пожалуйста.

Отступаю от двери, когда мимо кабинета проходит медсестра. Заглядывает к Наде.

– Через полчаса обед, я зайду заранее и покажу вам столовую, Надежда, – вежливо обращается, останавливаясь на пороге. – Сейчас вам что-нибудь нужно?

– Извините, м-м-м, Маргарита, – зовет ее по имени, распознав надпись на бейджике. – Можно мне во двор?

– Да, конечно, свежий воздух пойдет вам на пользу. Я сейчас позову Ирочку... – упоминает санитарку, а потом резко осекается, видимо, вспомнив мой приказ уделять ВИП-пациентке особое внимание. – Хотя, знаете, я сама вам помогу. Мне несложно.

Пару минут спустя выкатывает в коридор коляску. Ставит боком ко мне, и я неосознанно делаю шаг, не боясь рассек-

ретить себя. Дергаюсь, как будто пропустил через себя высоковольтный разряд тока. Непривычно видеть Надю в инвалидном кресле. Хрупкая, маленькая, исхудавшая, она совсем затерялась в нем, словно попала в капкан – и никак не может выбраться.

– Ко мне мама приедет, – признается аккуратно.

– К сожалению, утренние часы посещения закончились, – чеканит Маргарита, как по методичке. – Теперь только вечером, перезвоните родственникам.

– Но как же... – Надя взволнованно скидывает подбородок и осекается на полфразы, потому что замечает меня. Застывает, не моргая. Болезненное лицо становится еще бледнее.

О каком доверии может идти речь, если бывшая жена шахрается от меня, как от огня. Смотрит одичало, словно запуганный зверек на хищника. Пока что я даже не знаю, с какой стороны к ней подступиться.

– Все в порядке, Рита, свободна. Я сам, – отпускаю медсестру и приближаюсь к Наде, молча берусь за ручку на спинке коляски.

Секундная зрительная связь – и она вспыхивает, отворачивается, опускает взгляд на ладони, сложенные на неподвижных коленях. Шумно, глубоко дышит, пытаюсь не расплакаться при мне. Стыдится своего беспомощного состояния. Хочет спрятаться, испариться – и навсегда забыть о нашей встрече. Но я не позволю.

Зайдя ей за спину, улавливаю, как легкая дрожь прокачивается по заостренным плечам. Будто Надя чувствует меня. Поднимаю руку, тяну к затылку, почти касаюсь пальцами пшеничных волос, собранных в небрежный хвост.

Сжимаю кулак.

Жалость – плохой советчик. И совсем не мой метод.

– Что ж, Надежда, тогда на прогулку, – произношу спокойно и бодро. Толкаю коляску вперед, а на ходу наклоняюсь к самому виску бывшей: – Самое время нам поговорить без посторонних ушей.

Глава 4

Надежда

Одинокая слезинка все-таки предательски срывается с ресниц, когда слуха касается бархатный баритон: «Самое время нам поговорить». В нем нет угрозы или злобы – только горькая, всепоглощающая боль, которую мы с Назаром делим на двоих. От волны его рваного дыхания половина лица вспыхивает и багровеет. Жар проникает под кожу, будоражит вяло текущую кровь, наполняет иссушенные вены, запускает замороженные процессы в организме. Я чувствую себя живой и... уязвимой.

Прикрываю глаза, затаив дыхание. Жду, пока высохнет соленая влага на щеках. Смахнуть слезы не рискую – заметит. Рядом с Назаром возвращаются воспоминания, которые я пыталась похоронить. С ним становится больнее и одновременно спокойнее.

Назар молча толкает мою коляску по коридору. В тишине раздаются тяжелые шаги и скрип колес. Гипнотизирую взглядом свои бледные руки, сложенные на неподвижных коленях, и украдкой впиваюсь в чашечку ногтями. Разозлившись на свое слабое тело, вонзаюсь в кожу со всей силы и... Ничего. Ноги ватные. Не мои. Будто костыли приставили.

– Ты совершаешь ошибку, Надя, – сухо чеканит Назар, останавливая коляску у выхода. Растерянно оборачиваюсь. –

Твой метод неинформативен, – обходит меня сбоку и, мельком скользнув по мне взглядом, берется за ручку двери. Резко и грубо надавливает до щелчка.

Внешне он спокоен, но дьявол кроется в деталях. Сжимаю ладони в кулаки, осознав, что все это время Назар пристально наблюдал за каждым моим действием и, что страшнее, заметил, как я себя царапала. Надеюсь, не посчитает меня сумасшедшей.

– Я не...

«Не свихнулась! Я просто в отчаянии!» – мысленно кричу и внутренне рыдаю, заточенная в своем теле и разуме. Будто окружена невидимым куполом, внутри которого сгораю от паники и боли.

Вслух ничего не могу из себя выдавить. Замыкаюсь.

– Человек устроен так, что никогда не причинит себе вред, – продолжает вещать Богданов, словно поучает практиканта. Замерзаю от его тона и слов. – К тому же, что тебе даст такая проверка? Твой мозг может смоделировать любые ощущения исходя из того, что видят глаза, или, наоборот, заблокировать настоящие сигналы, потому что ты в них не веришь. Проверить чувствительность может только специалист. Если ты... примешь помощь, – голос меняется, переходя в хрип. – Признай, что сама не справишься.

Больше не удостоив меня взглядом, Назар открывает и придерживает дверь. Свободную ладонь протягивает к коляске, но я сама выезжаю из помещения, где мне становит-

ся душно, на свежий воздух. Спускаюсь по пандусу, активно работая руками. Быстро устаю. Ладони горят огнем, мышцы начинают ныть.

Запыхавшись, смахиваю испарину со лба, провожу пальцами по взмокшим вискам.

Беспомощная.

– Я бы заказал для тебя кресло с электроприводом, но не хочу, чтобы ты расслаблялась и привыкала к нему, – бубнит Назар на фоне, приближается и перехватывает «управление». – Тем более, оно тебе не пригодится. Чем быстрее ты это поймешь, тем лучше.

Вместе мы минуем многолюдный дворик и площадку с тренажерами, поворачиваем на тропинку, вьющуюся между деревьев. Останавливаемся в тени пожелтевшей листвы, возле деревянной скамейки. Назар фиксирует коляску, чтобы не откатилась, и садится напротив. Облокотившись о колени и свесив кисти между разведенных ног, исподлобья смотрит на меня. Проходится сканером по осунувшейся, потрепанной аварией фигуре, просвечивает меня насквозь, залезая в душу.

Невольно обхватываю плечи руками, ощущая себя жалкой и раздавленной. Как размазанная по стеклу мошка. Я даже развернуться и уйти не могу, разве что ползти по земле среди луж и листвы, унижаясь еще больше. Но и рядом с Назаром так сложно находиться, что нечем дышать.

– Ты стыдишься себя, – выносит приговор, впиваясь

взглядом в мое лицо. – Своего неподвижного состояния.

– Вряд ли кто-то из твоих пациентов гордится инвалидностью, – заставляю себя усмехнуться. Так, словно мне все равно, а за ребрами не орудует мясорубка, превращая сердце и легкие в фарш.

– Нет. Но никто так не упивается болезнью, мешая мне выполнять свою работу, – выпрямляется, не сводя с меня глаз. Препарирует без скальпеля. – Значит, сыну четыре месяца, – неожиданно переходит к самой острой теме.

– Да... – выдавливаю из себя после паузы.

Оттягиваю момент казни. Наверное, Назар ненавидит меня за то, что я лишила его ребенка, но мне нечем перед ним оправдаться. Язык чувств и эмоций ему чужд, а голые факты против меня. Богданов просто не в состоянии понять, почему я так поступила.

– Совсем маленький, – продолжает как ни в чем не бывало. – Пока что он требует не так много. Покормить, уложить спать, – делает паузу, а я машинально киваю, не догадываясь, к чему он клонит. – А что будет, когда он начнет ходить? Будет носиться по улице, спотыкаться, падая и набивая шишки. Набегаешься за ним? – многозначительно косятся на громоздкие колеса.

– Приноровлюсь, – сиплю шепчу. – У меня нет другого выхода.

– Поведешь сына в детский сад вот так, – бесцеремонно окидывает рукой мои ноги. – Потом в первый класс, – за-

бегает далеко вперед. Я не думала о будущем, оно неопределенно и туманно. Мне нечего ответить. Рассердившись на мое молчание, Богданов со сталью в голосе выплевывает: – Впрочем, если тебе нравится жить наполовину, то медицина здесь бессильна.

Откидывается на спинку скамейки, едва заметно дергает коленом, проявляя нервозность, и отворачивается от меня, делая вид, что заинтересовался пустой аллеей, уходящей вдаль. Пока он пытается успокоиться, я обнимаю и ласкаю его взглядом, раз уж никогда не решусь сделать это физически.

Стойкий, смелый, целеустремленный, доктор Богданов всегда найдет выход из любой ситуации. Лишь однажды не смог...

– Ты совсем не изменился, Назар, – говорю без обиды, но с тоской. Я соскучилась по бывшему мужу, по всем его недостаткам, которые он умело превращает в достоинства, по его железному характеру. – Такой же грубый и жесткий, как раньше.

– Ты тоже. Такая же упрямая. Однако... – прищуривается, восстанавливая со мной зрительный контакт, который наносит мне удар под дых, – мне всегда казалось, что ты сильнее. Почему сейчас сдалась?

Если бы мы были женаты, он бы обнял меня и утешил. Богданов хоть и славился цинизмом и безэмоциональностью среди коллег-медиков, но дома был внимательным и ласко-

вым мужем. Однако теперь вместо прикосновений нам доступны лишь слова.

– Сломалась, Назар, – признаюсь на шумном выдохе. Проглатываю подступающий к горлу ком. – Во всех смыслах.

– Так я отремонтирую, Надь, – убеждает меня с надрывом. – Доверься мне.

Слабо улыбаюсь сквозь слезы.

Однажды Назар мне рассказывал, как ему удастся абстрагироваться от человеческих страданий и сконцентрироваться на своей работе. Он воспринимает пациента, как сложный механизм, который ему предстоит починить. Разобрать, изучить, выкрутить один винтик, заменить новым. Четко по схеме. Как это делает автомеханик или слесарь. Идеальный подход, который разбивается вдребезги, когда на операционном столе... близкий родственник.

– А как же принцип Богдановых не лечить своих? – тихо напоминаю.

– Мы с тобой никто друг другу, – будто в набат бьет, и я вздрагиваю. – Холодно? – Назар подается вперед, накрывая мои ладони своими.

Лед между нами трескается.

* *

– Не знаю, холода я тоже не чувствую, – горько усмехаюсь, невольно тронув пальцем его обручальное кольцо, и замечаю, как тлеет жалость на дне черных зрачков. Именно там, где когда-то полыхало восхищение. Лучше бы он даль-

ше злился на меня, ведь то, что происходит между нами в эти секунды... невыносимо и унижительно.

Высвобождаю руки и, не обронив больше ни слова, отворачиваюсь. Мне даже смотреть на него больно, не то что касаться.

– Да, я упустил этот момент. Тебе надо одеваться теплее, а особенно укутывать ноги, – хмурится, возвращая себе ледяную маску. Словно очнувшись ото сна, резко поднимается. – Я принесу тебе плед, подожди здесь.

– Не переживай, не сбегу, – небрежно бросаю с понятным ему черным юмором.

Легкий ветерок треплет волосы, выбившиеся из хвоста, невесомо скользит по затылку, будто поглаживает. Исцеляющее тепло прокатывается вдоль шейного позвонка вниз. Ощущения настолько реальные, что кожа начинает гореть.

Когда оглядываюсь, позади меня уже никого нет, а Назар быстро отдаляется, широкими шагами пересекая аллею. Полы расстегнутого белого халата развеваются от быстрой ходьбы, как плащ супермена. Для меня Назар всегда был героем. Разве можно не гордиться тем, кто изо дня в день спасает человеческие жизни? Я боготворила его. Верила. Любила.

Но врачи не боги, даже если родом из династии Богдановых.

На смену приятным воспоминаниям опять приходят мрак и безысходность. Достаяю из кармана куртки телефон, чтобы позвонить матери, но случайно выпускаю его из дрожащих

ладоней. Улетает в жухлую траву дисплеем вверх, мерцает, будто издевательски подмигивает мне. Наклоняюсь за ним, протягиваю руку, но лишь цепляю кончиками пальцев мокрый скрученный листок. Подъехать ближе не могу – мешают бордюры и... неконтролируемый приступ паники, который накрывает меня с головой, как волна в девятибалльный шторм.

Назар прав: я ни на что не способна и ничему не научусь. Я даже не наполовину парализована – я целиком беспомощна. Что я дам сыну? Как буду растить его и воспитывать? Смогу ли работать? Никому не нужна калека. Балласт.

В момент, когда я готова позорно сорваться в истерику, над головой раздается тихий женский голос:

– Это ваше?

Судорожно проглатываю горькие слезы, когда на колени ложится мой телефон. Делаю глубокий вдох, чтобы привести себя в чувство. Сквозь туманную дымку различаю лицо склонившейся надо мной шатенки. Она что-то тараторит с улыбкой, представляется, спрашивает мое имя, и я машинально отвечаю. Хочу лишь одного: чтобы все оставили меня в покое.

– Врачи этого центра творят чудеса! Назар Егорович помог мою маму на ноги поставить, а до этого она шесть лет в инвалидном кресле провела, – девушка настойчиво выводит меня из забытья и выковыривает из панциря, в котором я тщетно пытаюсь спрятаться. – Вы, главное, не отчаивайтесь!

– Вы правы, – выныриваю из пучины паники и чувствую, как проясняются мысли. Сознание подкидывает мне имя, которое принадлежит незнакомке. – Спасибо, Лилия. Мне нельзя сдаваться, – крепко сжимаю телефон. – Никак нельзя.

Девушка уходит, а я набираю маму. Слушаю гудки, оборачиваюсь в поисках Назара, будто чувствую его присутствие. Он выходит из здания центра, здоровается с той самой Лилей, которая помогла мне, пожимает руку ее мужу, перебрасывается с ними парой фраз, а потом спешит ко мне.

– Доченька, мы уже на месте, – звучит в трубке голос матери, с трудом пробиваясь сквозь детский крик. – Сейчас машину припаркую, Назарку в коляску пересажу – и к тебе придем.

– Хорошо, мы встретим, – произношу онемевшими губами, а сердце в груди бьется в припадке, лупит в ребра, перекрывая шум вокруг.

На плечи ложится плед, а его края бережно разглаживаются широкими, горячими ладонями, в которых хочется скрыться от всех невзгод. Но нельзя.

Больше нельзя.

Вторым одеялом Назар заботливо укутывает мои ноги, присев на корточки перед коляской. Как бы невзначай оставив руки на бездвижных коленях, смотрит на меня исподлобья.

Изучает. Вскрывает. Проникает в самую душу, растерзанную и потрепанную.

– Мама приехала, – слышу выдыхаю.

– Отлично, я проведу тебя к ней, – невозмутимо отвечает и важно выпрямляется, не проявив ни единой эмоции.

Не человек, а гранитная скала. Возвышается надо мной, заслоняя мощным телом слабые лучи тусклого осеннего солнца.

Неторопливо заходит мне за спину, снимает коляску с тормоза, мягко толкает – и тут же стопорится.

– Она не одна, – поворачиваюсь, упираясь в подлокотник, и запрокидываю голову, чтобы перехватить напряженный огненный взгляд Назара. – Вместе с сыном.

* * *

Желтизна в его глазах горит ярче и опаснее, желваки на скулах ходуном, губы сжаты так сильно, что бледнеют и сливаются с кожей, мужественные черты лица ожесточаются. Назар каменеет. Секунду спустя отмирает, как по щелчку, и возвращает ладони на ручки кресла. Спокойно делает пару плавных шагов вместе со мной.

– Я буду рядом, но постараюсь не мешать вам общаться, – произносит таким равнодушным тоном, словно пропустил мимо ушей информацию о ребенке. Но я чувствую его настрой, четко считываю реакцию. Он все прекрасно слышал и правильно понял.

– Я не против, – шепчу многозначительно. – Ты нам не мешаешь. – Даю себе пару секунд, чтобы собраться с духом, и лихорадочно выпаливаю: – Он твой сын, Назар.

Колесо попадает в стык между тротуарными плитами, и меня ощутимо встряхивает. Богданов откликается мгновенно: обхватывает меня сзади за плечи, чтобы уберечь от падения, прижимает спиной к себе. Импульсивно взмахиваю руками и вцепляюсь в его широкие, крепкие запястья. Не в подлокотники, не в коляску, а в бывшего мужа, словно он мой спасательный круг.

– Я знаю, – соглашается, наклонившись к моему виску и шумно, сбивчиво дыша. Говорит без тени сомнения, но от его стального тона становится не по себе. Отдергиваю руки, будто обожглась, и мы продолжаем путь. – Боишься, что я захочу забрать его? – задает неожиданный и очень жестокий вопрос. – Подам в суд, подниму все свои связи и...

– Нет, – перебиваю, смаргивая жгучие слезы, что застилают глаза. Мир вокруг размазывается и плывет. Остается лишь голос, который звучит над головой. Такой родной и чужой одновременно. – Я хорошо тебя знаю. Ты с нами так не поступишь.

– Хоть на этом спасибо, – выщевивает сквозь нервно стиснутые зубы. – Но все-таки ты боишься... Чего же тогда, Надь?

Ему обидно и горько, знаю, но время не повернуть вспять и не исправить то, что уже случилось. Год назад я понятия не имела, что уйду из его дома беременной. И уж точно не догадывалась, что когда-нибудь мы встретимся вновь при таких сложных обстоятельствах.

– Назар, я прошу тебя не говорить пока о нем своим родителям, – все-таки решаюсь озвучить главный страх.

– Ты думаешь, это именно то, что я побегу делать в первую очередь? – разочарованно хмыкает. – Не скажу...

Тропинка до ворот кажется бесконечной. Двигаемся молча, под аккомпанемент его тяжелых шагов и моего громящего сердца.

Смахнув слезы со щек, пытаюсь выдавить из себя улыбку, когда замечаю машину родителей. Из салона выходит мама, достает коляску из багажника, укладывает в нее капризного малыша. Сюсюкается с ним, нагнувшись к люльке, и старается притушить разгорающуюся истерику. Маленький Назарка непреклонен – вопит на всю улицу. Не отвлекаясь от внука, она идет к нам навстречу, тербит пальцами ручку коляски, покачивает ее на ходу.

– Привет, мам, – предпринимаю слабую попытку завладеть ее вниманием и мягко намекнуть на то, что мы не одни.

– Здравствуйте, доктор, – в суматохе мама даже не смотрит на Назара.

Суетится возле люльки, в которой надывается мой малыш. Точнее, наш... Берет его на руки, нежно, но взволнованно прижимая к груди, качает и осторожно передает мне.

– Наденька, возьми Назарку, – умоляюще тянет, а я столбенею с повисшими в воздухе руками. Кровь застывает в жилах, сердце пропускает удар. Боюсь повернуться к Богданову, но ощущаю его мрачную энергетику, которая заключает

меня в плотный капкан и мешает свободно сделать вдох. – Может, хоть у тебя он успокоится, – продолжает лепетать мама, опуская сынишку мне на колени, и поправляет детский комбинезон. – Как разорался на светофоре, так до сих пор угомониться не может. Ума не приложу, что его расстроило. Впервые такой капризный, обычно в дороге засыпает, а сегодня...

Осекается, наконец-то запрокинув голову и увидев Богданова. Складывает ладони на груди, теряется и бледнеет.

– Назар? – произносят они одновременно.

Имя эхом разносится по опустевшему дворику. Мама обращается к бывшему зятю, а он... впивается взглядом в сына на моих руках.

Младенец, словно признав папу, неожиданно затихает и с интересом изучает сияющий белый халат. Шмыгает носиком, строит комичные рожицы, отходя от долгого плача, а потом медленно растягивает губки в легкой, неумелой улыбке.

– Назар...

*

[* История Лилии и Виктора Воскресенских – в книге "Мальчишки в наследство. Спаси мою любовь"](#)

– Ты станешь моей женой, – бесцветно бросает Виктор.

Не просит, не приказывает, а просто ставит перед фактом, поглядывая на часы. Будто у него каждая секунда на счету.

– Но мы с вами практически не знакомы. И я вас не люб-

лю.

– Ты знакома с моими детьми, и они к тебе привязались. Это главное. А любить меня не надо. Ни в коем случае, – хмуро сводит брови. – Меня надо слушаться.

– Вы кабинетом не ошиблись? – указываю рукой на открытую дверь. – И девушкой. Вы не в офисе, а я не ваша секретарша.

– Не ошибся. Я все о тебе знаю. Я помогу твоей матери, а ты выйдешь за меня, – ставит ультиматум. – В сжатые сроки ты должна стать опекуном моих сыновей-близнецов. Позже ты унаследуешь все состояние: недвижимость, бизнес, активы. Разумеется, временно. Когда мальчикам исполнится восемнадцать, они вступят в права.

– Не понимаю. Сейчас мальчишкам пять... А где будете вы все это время?

– Неважно. Не беспокойся, тебе не придется меня долго терпеть.

[ЧИТАТЬ ТУТ на Литрес](#)

Глава 5

Назар

Мысленно падаю перед ними колени, камнем рухнув на грязный, мокрый асфальт, разрываю брюки в лохмотья и раздираю кожу в мясо. Истекаю кровью, мешая ее с мутной дождевой водой. Губами прижимаюсь к личику моего сына, ладонями накрываю худые, слабые ноги Нади, как вторым одеялом, обнимаю их обоих, чтобы больше никогда не отпускать. Роняю слезы бессилия и обреченности, хотя давно разучился плакать. Высохло все у меня и внутри, и снаружи, а я сам оброс черствой коркой. Она вдруг дает трещину, которую я латаю всеми возможными способами...

Очнувшись, понимаю, что я по-прежнему стою в оцепенении, стеклянным взглядом уставившись на ребенка в нежных руках бывшей жены. Не моргаю и почти не дышу. Глаза и носоглотку жжет, будто мне в лицо сыпанули горсть песка с битым стеклом. В ушах до сих пор звенит детский плач, хоть малыш уже притих и даже улыбнулся. Мне?..

Голова раскалывается, как если бы мне делали трепанацию черепа без наркоза.

Медленно собираю себя по кускам, сцепляю части разрушенной брони. Я давно как чертов Франкенштейн, проводящий опыты на самом себе. Год без сердца. Впрочем, Надя и раньше у меня его не находила. Наверное, она была права,

когда называла меня бесчувственным.

Раздуваю ноздри, со свистом впуская в парализованные легкие кислород. Ощущаю на себе прожигающий взгляд Нади, но на нее не смотрю. Не могу! Я не готов увидеть в ее грустных, потухших глазах страх, разочарование и боль. Иного для меня там не уготовано. До развода она часто смотрела на меня так, будто я высасывал из нее всю энергию. Будто изо дня в день сжирал ее эмоции, растворяя их в пустоте внутри себя. Будто убивал ее, мучительно и постепенно. Она ушла, чтобы выжить, а без нее дыра стала еще больше и темнее.

Один лишь бог знает, как тяжело мне было тогда и как адски больно сейчас...

Пока все мое мужское естество бунтует, а сквозь панцирь пытаются пробиться жалкие ростки человеческих чувств, пауза затягивается и становится невежливой. Мне хочется наплевать на правила приличия и врачебную этику, нагло сгрести жену и сына в охапку, загрузить в свою машину, припаркованную на территории центра, и увезти домой. Навсегда. Вернуть свою семью. Запереть на семь замков. Спрятать... Вместо этого я заставляю себя ровным тоном произнести ничего не значащие слова приветствия:

– Здравствуйте, Наталья Петровна, – обращаюсь к ошеломленной теще, мельком покосившись на нее. – Я лечащий врач Надежды.

Бросаю прощальный взгляд на сына. Он заинтересован-

но изучает меня, хаотично взмахивает ручкой, тянет сжатый кулачок сначала ко мне, а потом, передумав, сует его в беззубый ротик. Размазывает слюнки по губам, продолжая бурлить меня осмысленным взглядом. В нереально больших, как у мультяшки, глазах отражается небо. Малыш очень похож на Надю. Он ее маленькая копия, такой же красивый.

Назар, значит?

Я никогда не пойму женское сердце. Зачем называть сына в честь мужчины, которого вычеркнула из своей жизни? Сама. Лично. Вот этими тонкими, подрагивающими пальчиками, которые сейчас судорожно сжимают ткань детского комбинезона, она когда-то подписала заявление на развод. Оставила мне кольцо, но забрала нечто более важное. Нашего общего ребенка. Неравноценный обмен.

Назар... Почему?

Лихорадочно ищу ответ в голубых глазах сына, но он тоже ни сном ни духом. Маленький Назарка даже не знает, кто я. Для него я чужой дядя. Эта мысль ковыряет мою огрубелую душу, стучится изнутри, пытаюсь разбить ледяной купол, который я тщательно возводил вокруг себя, найти брешь и вырваться вместе с диким, безумным криком.

Закрываюсь.

Выдыхай, Богданов! Они не твои.

Включаю врача. Другие социальные роли мной провалены с треском. Единственное, что я еще могу сделать для своей потерянной семьи, это исцелить Надю. Ребенку нужна мать,

а ей в данный момент – я. Не муж, от которого она отказалась, а доктор Богданов, который в состоянии встряхнуть упрямую женщину и вернуть к полноценной жизни.

– Ах, вот почему ты так домой рвешься, – отмерев после шока, сипло лепечет теща, с пониманием и жалостью глядя на дочь.

Вспыхиваю от вопиющей несправедливости. Наталья Петровна ведет себя так, будто я тиран, садист и представляю опасность для ее кровиночки. Едва сдерживаюсь, чтобы не огрызнуться. Хрен с ней! У меня другая миссия, о которой нельзя забывать.

Моя цель – Наденька, мама крошки Назара.

Погасив внутренний огонь, я продолжаю бесстрастно и сухо:

– Вообще-то я надеялся, что вы убедите дочь остаться в центре и пройти весь курс реабилитации. Наивно полагал, что вы будете действовать в ее интересах, – не скрываю укора. – Вы же понимаете, Наталья Петровна, что только я в силах помочь ей? Сделаю невозможное, на что никто другой просто не способен, – выдаю чересчур самонадеянно. Пусть я сам в себе сомневаюсь, однако пациент должен верить в меня, как в бога. Иначе ничего не выйдет.

– Все-таки у Надюши есть шанс? – Наталья Петровна смягчается. Пускает слезу, придерживает дрожащий подбородок рукой. – Она опять сможет ходить?

– Со мной – да, – чеканю важно, а тем временем за гру-

диной будто орудует тупой нож. Сердце давит, и это не метафора. Сбоит по-настоящему. Нервная профессия, бессонные ночи и личные стрессы напоминают о себе, ударив по организму в самый неподходящий момент.

– Как же тот врач, что поставил на ней крест? Он ведь сказал, что...

– Да, я в курсе, – перебиваю, не позволяя вслух повторить ложный приговор. Необходимо поддерживать веру и позитивный настрой. – Он поторопился с выводами. Свежие снимки дали нам надежду. Лгать и приукрашивать ситуацию я не буду. Пятьдесят процентов успеха зависит от меня, остальное – от Нади. Орел или решка – и монетка сейчас в ваших руках.

Мои слова адресованы не теще. Плевать мне на нее, у нас отношения с самого начала не заладились. После того, как мы с Надей потеряли первого ребенка, то с ее родителями вовсе разругались. Их мнение для меня не имеет никакого значения.

Однако я чувствую, что жена тоже внимательно слушает меня, впитывая каждое слово. Боковым зрением наблюдаю, как она вся подбирается и застывает, словно фарфоровая статуэтка. Не шелохнется, не дышит, лишь одной рукой ласково, успокаивающе поглаживает ребенка по животу.

Замираю и я. Умолкаю, давая ей время подумать.

Главное, чтобы она мне поверила, а дальше мы справимся. Вместе обязательно справимся.

– Надюш, – шепотом зовет ее теща. – А ты что думаешь?

Впервые за мучительно долгие, почти бесконечные минуты я все-таки рискую посмотреть жене в глаза. Пытаюсь считать эмоции и предугадать ответ, но на дне ее зрачков – ледяная пустота, словно она зеркалит мою холодную сдержанность. Я бьюсь в невидимую стену, и вдоль позвоночника прокатывается озноб. Как же сильно она изменилась, потухла и остыла. От бывшего огня даже искорки не осталось.

«Не дури, Наденька, соглашайся», – беззвучно молю.

Глава 6

Непредсказуемое осеннее небо хмурится и темнеет, крупные капли дождя срываются вниз и, подгоняемые порывом ветра, неприятно хлещут по лицу. Машинально приближаюсь к Наде, инстинктивно защищая их с сыном от непогоды.

Несколько дождинок успевают упасть на личико маленького Назара. Он забавно морщится, недовольный тем, что его потревожили, кричит и привлекает к себе внимание возмущенным мяуканьем.

Показывает характер. Наш. Богдановский.

Уголки моих губ непроизвольно дергаются вверх, криво и судорожно, будто я заново учусь улыбаться после инсульта, а рука тянется к малышу. Бережно смахиваю влагу с его щеки пальцем, который он тут же хватает ладошкой. Цепко сжав, тащит в рот, пытается костяшкой почесать десна. Не мешаю ему. Утопаю в моменте, который, возможно, нескоро повторится.

Украдкой поглядываю на Надю. Наблюдает за нами, крепче обнимая сына, но не вмешивается. Притихла, не двигается, и только взгляд ее немного теплеет и смягчается.

– Надюша, он знает? – негромко уточняет теща таким заговорщицеским тоном, будто я их злейший враг.

Поборов очередную волну негатива, я отпускаю ручку сына, провожу ладонью по его комбинезону, невольно касаюсь

холодных пальцев Нади, нервно впивающихся в ткань. Подушечки покалывает от желания погладить и согреть ее тонкую кисть. Я все еще как в тумане и не соображаю, что происходит. Меня штормит.

Жена. Сын. Они реальные? Рядом? Наяву, а не во сне?

Немыслимо...

– Да, – выдыхает она, подставив лицо к небу и не сводя с меня поблескивающих глаз. Смаргивает одинокие капельки, срывающиеся с длинных ресниц. Слезы?

Дождь усиливается, намачивая ее бледные щеки и раздражая капризного сынишку. Требовательный крик разносится по округе.

Вновь усмехаюсь. Настоящий Назар Богданов.

– Я проведу вас в палату, переждете ливень там, – нехотя отстраняюсь от них, чувствуя почти физическую боль, будто от меня часть тела отрывают. – Медперсонал предупрежу, чтобы никто вас не беспокоил, – не прекращая важно говорить, я обхожу кресло и аккуратно везу жену с ребенком к входу в центр. За нами послушно плетется теща с детской коляской и сумкой.

Стараюсь идти быстро, но осторожно, потому что в моих руках сейчас двойная ценность.

– Медсестра сказала, что в это время посещения запрещены, – взволнованно отзывается Надя, покачивая сына и заботливо прикрывая его собой от дождя.

– Правила здесь устанавливаю я, – толкаю коляску к пан-

дусу. Заезжаем на крыльцо и останавливаемся под козырьком. – Итак, я предлагаю следующее... Наталья Петровна, попросите охранника придержать дверь, – ненавязчиво избавляюсь от тещи хотя бы на несколько секунд. Выдыхаю с облегчением, когда она скрывается в здании, и подаюсь ближе к Наде, которая тут же оборачивается. – Первые два дня побудешь здесь с ночевкой, под наблюдением специалистов, в том числе и моим. Это важно, придется потерпеть, – уговариваю ее. – Твоя мать сможет привозить Назарку... – спотыкаюсь на имени, откашливаюсь и, справившись с нахлынувшими эмоциями, продолжаю невозмутимо: – Она сможет привозить его в свободное от процедур и занятий время. Предварительный график я составлю к утру и сразу же передам тебе, чтобы ты могла по нему ориентироваться. Палата в вашем распоряжении, Наталье Петровне выпишу пропуск, чтобы беспрепятственно заезжать на территорию. Если что-то дополнительно будет нужно, скажешь мне.

– Два дня, а потом? – задумчиво тянет Надя. Сомневается, но готова к переговорам. Слушает меня внимательно. Общаемся, как раньше, а от обычной беседы мурашки по коже.

– За это время я подготовлю полный курс реабилитации, – краем глаза ловлю тень. Охранник выходит на улицу и терпеливо ждет, пока мы заедем внутрь. – При условии, что ты будешь старательно трудиться и выполнять все мои предписания, со временем я смогу отпускать тебя на ночь домой. К сыну, – уточняю хрипло и мягко, покосившись на ерзающий

сверток на ее коленях. Назарка размахивает ручками и бьет ножкой в подлокотник, что-то мурлычет невнятно.

– Надюша, надо попытаться, – перебивает меня Наталья Петровна, но в этот раз я на нее не злюсь.

Удивительно, что она на моей стороне, и я благодарен ей за поддержку. Очень вовремя мы оказались по одну сторону баррикад. С крепостью под названием Надежда я в одиночку не справлюсь. Покорить, чтобы спасти. Парадокс.

– Можно вопрос? – мрачно свожу брови, когда мы закрываемся в палате. Надя небрежно кивает, а сама занимается ребенком, заметно оживая в процессе. Аккуратно перекладывает его на постель и раздевает, освобождая от намочшего комбинезона. Снимает капюшон и шапочку, из-под которой показывается белобрысый пушок. Лаская взглядом сына, я произношу грубовато: – А что с тем подонком, который вас сбил?

На доли секунды руки Нади висят в воздухе над сыном, а следом опускаются и трепетно накрывают его в знак защиты. Хрупкие плечи подрагивают, красивое лицо, которое я вижу в профиль, мрачнеет и напрягается, рваное дыхание разносится по палате. Воцарившуюся тишину нарушает невнятное детское гуление, которое мгновенно разряжает тяжелую атмосферу и волшебным образом действует на всех нас. Надя сбрасывает с себя оцепенение, нежно улыбается малышу, гладит его по животу.

– Задержали на месте, так как он просто не в состоянии

был уехать. Отключился за рулем. Сейчас его таскают по судам, – совладав с собой, произносит спокойно и без срывов в голосе. – Попробуют оправдать, – роняет с горькой усмешкой.

– В машине был сынок какой-то важной шишки из органов власти, так что он вряд ли понесет наказание. Откупится, – поясняет Наталья Петровна, подавая дочери детские вещи и подгузник из сумки. – Он и Наде деньги предлагал, чтобы уладить конфликт, но она не взяла. Принципиальная, а толку, – в ее фразе слышится укор, с которым я категорически не согласен. – Все равно его богатый отец отмажет.

– Обойдемся без его денег, мам, – упрямо осекает ее Надя. – Из-за него Назарка чуть не пострадал! Если бы я не успела... – запинаясь, не в силах озвучить свои страхи.

Ее жгучие эмоции проникают в самую душу, и я чувствую себя так, словно был там вместе с ней. На остановке. Под дождем. С детской коляской, внутри которой смысл всей жизни. За мгновение до столкновения...

Черт!

Че-ерт.. Зачем отпустил ее год назад? Почему не настоял вернуться? Не выяснил, как она...

Слабак! Сдался. А ведь если бы мы остались вместе, возможно, всего этого не произошло бы. Моя жена не пострадала бы, а ребенок не скучал бы по матери. Я бы не допустил. Судьба могла пойти по другому сценарию, но...

Не повернуть время вспять.

– Ты правильно поступила, – поддерживаю Надю, слегка

коснувшись острого плечика, и тут же прячу руку в карман халата.

Встречаю ее благодарный небесный взгляд. Тепло усмехаюсь: раньше мы всегда поддерживали друг друга. Это было несложно, ведь у нас были одинаковые убеждения и идеалы, схожие взгляды на жизнь. Мы оба честные, принципиальные и неподкупные, поэтому и сошлись. Но все рухнуло в одночасье, и я до сих пор не понимаю, почему мы не сумели пережить трагедию вместе. В какой момент наша общая дорога разделилась на две кривые развилки?

– Спасибо, – подтаивает Надя.

– Этому уроду не место на дороге. Я постараюсь выяснить, какие у него связи, и со своей стороны повлиять на правосудие. За руль он точно больше не сядет и обязательно ответит за все перед законом, – чеканю убедительно, стараясь сохранять хладнокровие, однако ладонь невольно превращается в кулак. – Не на тех нарвался, тварь, – заканчиваю одними губами.

Теща не слышит, однако жена пристально всматривается в мое лицо и считывает проклятие. В этот миг между нами натягивается тонкая, хрупкая связующая нить, вплетается в жилы, прорастая глубже внутрь.

Надя хочет мне довериться, как раньше, но что-то мешает ей. Незримый барьер, который она сама же и возвела между нами.

– Надюша, давай поддержи Назарку, – спохватившись, На-

талья Петровна берет на руки внука, а тот начинает огорченно плакать и хаотично ловит ладошками воздух. Требуется вернуть его матери, боится вновь остаться без нее. Понимаю и разделяю его чувства.

Надя косится на кровать, опускает глаза на свои ноги, поджимает губы.

– Ты не мог бы позвать Маргариту? – скромно просит меня, упираясь ладонью в край матраса. – Медсестру, которая мне помогала?

– Хм, конечно, – порываюсь к двери, но торможу на пороге. – А что нужно?

– Я хотела быть прилечь, чтобы покормить ребенка. Но сама я... – набирает больше воздуха, чтобы признаться в собственном бессилии: – Я не могу.

Не знаю, чем руководствуюсь, когда возвращаюсь, наклоняюсь к опешившей Наде и молча подхватываю ее под поясницу и колени. Поднимаю на руки. Дыхание сбивается у нас обоих.

Это не доктор Богданов, а прежний Назар прижимает жену к груди, одержимо вбирает запах ее волос, знакомый до дрожи, тонет в глубоких нежно-голубых омотах.

– Удобно? – осипшим голосом интересуюсь, осторожно опуская ее на кровать. Подкладываю подушки под спину, выпрямляю ноги, останавливаясь дольше приличного на стройных бедрах. Надя сильно похудела. За время, что мы не виделись, стала почти прозрачной и хрупкой, как фигурка из

венецианского стекла.

– Да, – срывается с ее губ вместе с протяжным выдохом. Кроха Назарка громче напоминает о себе, и теща спешит отдать его Наде. Мельтешит между нами, беспощадно рвет невесомую нить, которая связала нас на пару мгновений.

Возвращаюсь в суровую реальность, где мы с Надей всего лишь врач и пациентка. Прокручиваю большим пальцем кольцо на безымянном, убираю руки за спину.

– Ладно, не буду вам мешать, – отступаю назад. – Мой кабинет напротив.

Малодушно разрешаю себе в последний раз полюбоваться семейной идиллией матери с ребенком. Замечаю, как Назарка ладошками мнет ее грудь через ткань одежды, тычется носиком, как слепой котенок, ворчит недовольно.

Разворачиваюсь, дергаю ручку двери.

– Назар, – летит мне в затылок, пронзая голову насквозь. Мое имя в устах Нади превращается в смертельное оружие. Ей достаточно просто произнести его – и я готов исполнить любое желание.

– Да? – откликаюсь с надеждой.

– Я согласна, – твердо звучит. – Я не хочу жить наполовину. Я готова остаться и побороться за себя. Я буду очень стараться, обещаю.

С трудом подавляю победную улыбку. Узнаю свою Наденьку, стойкую и несломленную. Феникс, возрождающийся из пепла. Все у нее получится, а я помогу.

– Понял, – стараюсь не выдавать своего ликования, чтобы не спугнуть ее. Говорю деловито и ровно. – Хорошо. Завтра начнем, а пока отдыхай.

Буквально выталкиваю себя в коридор. Скрывшись из поля зрения Нади, прижимаю руку к груди. Все еще давит. Не сердце, нет, а просто мотор, но и он дает сбой.

В кабинете закидываюсь лекарствами. Некоторое время сижу в кресле неподвижно, жду, пока подействуют.

Отпускает. Так-то лучше. Не хочу отвлекаться на себя. Не сейчас.

Остаток дня присматриваю за женой на расстоянии. Слежу по часам, когда теща забирает ребенка домой, прощаюсь с сыном взглядом, и мне кажется, что он замечает меня через узкую щель в двери. А может, просто хочется на это надеяться. Ближе к вечеру проверяю, чтобы Надя не пропустила ужин. Преследую ее, как тень.

Заглядываю в палату после отбоя, в полумраке различая очертания маленького женского тела на просторной специализированной койке.

Не верится, что она поддалась и осталась.

Первый, самый сложный шаг сделан. Дальше мы справимся. Вместе.

Оставляю обе двери приоткрытыми, а сам работаю до поздней ночи. Воодушевленно, самозабвенно. Ради нее. Ради них. Мое жалкое существование вновь обретает смысл. Огонек в солнечном сплетении разгорается сильнее.

Оживаю.

Но все обрывается внутри, когда из Надиной палаты доносится полный паники, истошный вопль.

Глава 7

Надежда

– Какая ты красивая, – прижимаю к груди новорожденную дочь. Шевелю губами, но не слышу собственного голоса, изо рта вырываются лишь сиплые хрипы, сознание плывет. Но я уверена, малышка понимает меня. – Папочка тебя полюбит, как только увидит. Забудет все, что говорили нам врачи. Обязательно полюбит. Ведь ты родилась такой похожей на него.

Черты детского личика размываются. Сверток, лежащий на мне, стремительно тает. Врезаюсь пальцами в ворх пеленок, внутри которых больше никто не копошится. Лишь тряпки. Гора лоскутков и рваных клочьев. Но следом и они исчезают.

Пусто. Холодно. Одиноко.

В горле спазм. Легкие заключены в стальные тиски. Больно так, что нечем дышать.

– Назар, – безмолвно кричу. – Помоги, Назар. Ее забрали, – повторяю, не издавая ни звука, будто внезапно онемела. – Нашу девочку забрали у нас.

Ощупываю себя дрожащими руками, не в силах ни встать, ни развернуться. Взгляд устремлен в белоснежный потолок, прямо на яркий операционный светильник, а тело приковано к постели. Трогаю грудь, ребра, живот.

Ищу моего ребенка...

В солнечном сплетении загорается огонек. Опять чувствую на себе жар крохотного тельца. Пальцы натываются на детское плечико, и я бережно накрываю ладонями спинку младенца, животиком прижатого ко мне.

По соседству с болью поселяется надежда. Будто сердце разделили – одну половину истерзали, порезали на части и оставили разлагаться, а во второй теплится жизнь и пульсирует кровь, напитывая тело, исцеляя душу.

– Назарка, малыш, – плачу, обнимая сына. Держу его крепко, а меня трясет как в лихорадке. – Я тебя не потеряю. Сыночек, – пытаюсь приподняться и поцеловать его в макушку.

Губы обдает прохладой, сквозняк бьет по лицу наотмашь. Двери нараспашку – понимаю это по зловещему скрипу, заглушающему тихий детский писк. Хочу спрятать младенца в объятиях, чтобы не продрог и не простудился, но хватаю пальцами воздух.

– А-а-а!

Панически стискиваю пустоту в кулаках.

Где же он? Где? Мой сын...

– Назар, пожалуйста, – вновь зову мужа, комкая в руках постельное белье. – Верни мне детей, – содрогаюсь в истерике. – Наза-а-ар! – зажмурившись, ору что есть мочи.

Голос наконец-то прорезается, и я слышу свой дикий вой. Сама его пугаюсь. Так воет волчица, потерявшая потомство.

Протяжно, тоскливо, надсадно.

– Надя, – доносится отдаленно и мягко.

Назар склоняется надо мной. Ничего не вижу, будто вмиг ослепла, но чувствую, что это он. Судорожно впиваюсь пальцами в лацканы его халата, тяну на себя. Царапаю шею и плечи, то ли защищаясь, то ли цепляясь за него, как за спасательный круг.

– У тебя нет детей, Надя, – летит мне в лицо морозно и хлестко. – И никогда не было. Прими это, – ледяное равнодушие в грубом баритоне добивает меня.

– Неправда, – вскрикиваю сквозь злость и слезы. – Ты лжешь. Вы все меня обманываете.

– Успокойся, я здесь, Наденька, – последняя фраза звучит гораздо теплее и добрее, будто со мной рядом два разных человека. Ненавижу обоих!

Ничего не имеет значения, кроме моих детей...

Нет, одного ребенка.

Дочери больше нет. У меня остался только сын.

Пробираюсь сквозь вязкую тьму ночного кошмара. И не могу! Застряла где-то на пограничье, где сливаются сон и реальность. Неистово брыкаюсь в сильных мужских руках. Мычу, постанываю, плачу. Связки надрываются – и я перехожу на сдавленный хрип.

– Назар, верни их! Ты же все можешь. Верни! – повторяю как заведенная. Не осознаю, что происходит.

Вспышка света бьет по глазам. Прячусь от нее в объяти-

ях мужа. Уткнувшись носом в его бешено вздымающуюся грудь, конвульсивно всхлипываю.

– Тише, Наденька, я рядом, – шелестит над головой. Приятный жар прокатывается от макушки к виску, рваное горячее дыхание касается уха. – Очнись, милая, все хорошо. Дыши глубже, – затылок поглаживает широкая ладонь, зарывается в липкие, влажные волосы.

– Где мой сын? – вяло тяну, постепенно просыпаясь. – Где он?

Дыхание выравнивается. Пальцы, сцепленные на одежде Назара, расслабляются, выпуская смятую ткань. В глотке печет, словно все внутри засыпали острым перцем. Взгляд расфокусирован. Тело содрогается, получая откат после истерики. Меня прошибает мелкими разрядами тока, и я никак это не контролирую.

– Сын дома. С бабушкой. Посмотри на меня, – требовательно зовет Назар и обхватывает мои мокрые щеки. Заставляет запрокинуть голову.

С моей стороны – ноль реакций. Подчиняюсь, как марионетка, но ничего не могу выжать из себя ответ.

Совсем не сопротивляюсь, когда в следующую секунду мои губы накрывает целительное тепло.

7.2

Принимаю поцелуй как нечто привычное и закономерное. В измученном кошмарами мозгу нет даже мысли взбунтоваться. Наоборот, каждой клеточкой я тянусь к мужчине, которого спустя время все равно чувствую родным. Будто не было развода и мы по-прежнему вместе. Будто только вчера мы уснули в обнимку, а посреди ночи я подскочила, взбужденная тревожным сном, и нырнула в объятия Назара за поддержкой и защитой.

Теперь он утешает меня. Аккуратно, нежно, трепетно, как бывает только между нами. Когда мы наедине.

Разомкнув губы, целую мужа в ответ. По щекам струятся слезы, и мы вместе пьем эту соленую воду и... друг друга. Не жадно, а осторожно и по чуть-чуть. Словно измученные путники после долгого блуждания по пустыне. Добрались до оазиса в надежде утолить жажду. Спешка убьет нас. Каждый глоток может стать последним. Однако мы не можем оторваться друг от друга.

Дышим часто и сбивчиво, опалая губы жаркими искрами. Мои судорожные всхлипы сплетаются с его грудным хрипом. Я отхожу от жуткого сна, а Назар... успокаивает меня не совсем традиционным способом.

Отпустив пропитанную больничными запахами ткань его халата, я веду ладонями вверх к шее. Накрываю пульсирую-

щую артерию, которая заходится в бешеном ритме, и большими пальцами нежно очерчиваю линию подбородка, будто вспоминаю его наощупь. Цепляю ногтями короткую щетину, и Назар углубляет поцелуй, обхватив рукой мой затылок.

Растворяюсь в его колючей ласке.

Инстинктивно подаюсь ближе к мужу всем телом, точнее, только верхней его частью, и осознание собственной неполноценности обухом бьет по голове, мгновенно отрезвляя меня и возвращая в жестокую реальность. Отшатываюсь, на секунду зависаю в неудобном положении и теряю равновесие. Мне тяжело без опоры, и я нахожу ее в Назаре. Ощущаю горячие руки на пояснице и между лопатками, впечатываюсь грудью в твердый торс, встречаю мутный, затуманенный взгляд с желтыми всполохами.

Назар сидит на краю постели полубоком, крепко держит меня в руках и внимательно изучает мое заплаканное, усталое лицо. Его брови мрачно сведены к переносице, а морщины кажутся глубже в грубом свете настенной лампы.

Флер прошлого спадает – и мы предстаем друг перед другом настоящими.

Он сильно изменился. Я тоже.

Мы оба перемолоты в жерновах времени.

– Вызывали, Назар Его...

Громкий женский голос влетает в палату вслед за грохотом распахнувшейся двери, стреляет Назару в спину, которой он прикрывает меня от посторонних глаз.

Не выпуская мое бракованное тело из рук, словно оно может рассыпаться без поддержки, Богданов возвращает себе строгий образ доктора и нехотя оглядывается.

На пороге – дежурная медсестра. Замерла в растерянности, схватившись за ручку двери.

– ...Егорович, – сипло выдыхает, потупив взгляд. Делает вид, что ничего необычного не заметила. – Извините, – добавляет с нотками сожаления, шока и неуместного огорчения.

– Да, Рита, вызывал. Нужно вколоть успокоительное Богдановой, – отчеканив невозмутимо и сделав акцент на фамилии, Назар возвращает внимание ко мне.

Придерживая меня одной рукой за талию, вторую – протягивает к подушке, ставит ее ребром и прислоняет к изголовью кровати. Заботливо помогает мне удобнее устроиться полусидя, накрывает одеялом ноги, берет за руку, пальцем нащупывая пульс на запястье.

Он спокоен и холоден, ведет себя как врач, словно не было никакого поцелуя несколько секунд назад. Может, и это мне приснилось? Но истерзанные губы горят так, что сомнений не остается – все произошло наяву. Просто Богданов умеет отключать эмоции, когда это необходимо, а я так и не научилась.

– Сейчас подготовлю. Минутку, – Маргарита неловко топчется на входе и почему-то не спешит выполнять поручение. – Еще что-то?

– Утром пригласи Жданова, – приказывает он медсестре, а дальше поясняет уже мне: – Он наш штатный психолог... – предупреждая мой протест, говорит грозно: – Это не обсуждается, Надежда. Его консультация входит в курс и обязательна для всех пациентов центра... Рита, поторопитесь! – рывкает, не отвлекаясь от меня.

Зверь захлопывается, отсекая нас двоих от внешнего мира. Сцепившись взглядами, сидим некоторое время неподвижно. Я почти не дышу, Назар хмурится.

– Пульс зашкаливает, – недовольно бубнит минуту спустя. Вскользь проводит пальцем по моему запястью, будто погладив, и отпускает руку. – Когда мы жили вместе, ты не кричала во сне. Давно у тебя ухудшения?

Глава 8

– После аварии я... – прикусываю язык и подбираю самую безобидную формулировку, чтобы Назар не успел навесить на меня медицинских диагнозов, – стала хуже спать.

– Хуже спать? – скептически выгибает бровь. – Ты все крыло на уши подняла, не говоря уже... обо мне, – добавляет сквозь зубы, стиснув челюсть так, что желваки играют на скулах. На доли секунды прикрывает глаза, массирует переносицу, а затем, стряхнув с себя человеческие слабости, продолжает безэмоционально, как машина: – После аварии, значит... Видимо, сильный стресс в совокупности с травмой усугубили твое состояние. Куда врачи смотрели?

– Я в порядке, – лгу, чтобы усыпить его бдительность. – Всего лишь приснился кошмар.

– У тебя нервный срыв, Надя, и это не норма, – импульсивно хватает меня за плечи, впиваясь цепким взглядом в мое бледное лицо. – Я слышал, о чем ты кричала во сне... Я всего лишь хочу тебе помочь.

Всеми способами он пытается достучаться до меня, но я только сильнее закрываюсь. Отчетливо помню первые месяцы после потери дочери – тогда Назар в панике затаскал меня по врачам. Лучшие и самые дорогие специалисты в один голос твердили, что у меня послеродовая депрессия и галлюцинации, выписывали транквилизаторы, от которых я мед-

ленно превращалась в овощ. Мне ничего не оставалось, как покорно согласиться со всеми вокруг – и замолчать. Лучше хранить переживания глубоко в душе, чем угодить в психиатрическую больницу.

Страх, что мне опять никто не поверит, выставив неадекватной, возвращается.

– Я не сумасшедшая, – испуганно выдыхаю Назару в лицо.

– Я не называл тебя так, – опомнившись, отпускает меня и отодвигается. Обреченно роняет голову, устремив взгляд в пол. – Я тебе не враг, Надя, и мне бы не помешала хотя бы крупица твоего доверия, – шепчет едва различимо.

– Я верю тебе... – касаюсь его опущенного плеча и поспешно уточняю: – как врачу. Просто боюсь, что после случившегося ты передумаешь и не будешь отпускать меня домой к сыну. Хотя ты обещал, Назар! – повышаю голос, призывая его сдержать слово.

– Хм... Наоборот, тебе бы не помешала смена обстановки, – окидывает задумчивым взглядом помещение. – Стены лечебного учреждения давят, палата чужая и некомфортная, а одиночество дает пищу для деструктивных мыслей. Так у нас ничего не выйдет. Для успешного лечения необходимы позитивные эмоции и здоровый фон. Как раз сын может тебе это дать. Я заметил сегодня, как ты оживала и сияла рядом с ним.

Легкая улыбка трогает его жесткие губы, и я не могу не отреагировать – мягко усмехаюсь в ответ, испытывая прият-

ное умиротворение. Назар прав: даже упоминание о ребенке успокаивает и вдохновляет меня, придает сил жить дальше и бороться. В то же время, присутствие его сурового отца вселяет надежду.

Онемевшие пальцы машинально сжимаются на мужском плече, сминают стерильную белую ткань рукава.

Богданов садится вполоборота, накрывает мою руку своей, согревает, хочет сказать что-то еще, но медсестра опять врывается без стука. Мне приходится вспомнить о том, что я здесь пациентка.

Назар уступает ей место, молча наблюдает, как она ставит мне укол, измеряет давление и пульс. Бросает пару фраз, после чего Маргарита приносит какую-то таблетку и стакан воды. Покосившись на бывшего мужа и получив его одобрение, послушно выпиваю лекарство.

– Попробуй уснуть, завтра тебе пригодятся силы, – сдержанно дает мне рекомендации Назар и выходит из палаты вслед за медсестрой.

Падаю на подушки, некоторое время лежу неподвижно, невольно прислушиваясь к шорохам в коридоре. Не верится, что Богданов оставил меня одну. Просто ушел, прикрыв за собой дверь.

Разумеется, он поступил правильно. Как врач.

Почему же тогда в моей груди зияет дыра, а по венам разливается холодная пустота?

Тревога возвращается. Не могу сомкнуть глаз. Лежу, уста-

вившись невидящим взглядом в потолок, и нервно тербляю пальцами край одеяла.

Хочется позвать Назара, но разве я имею на это право? Как я объясню свой порыв? Только опять взбудоражу и его, и весь персонал.

Здравый смысл побеждает в тяжелой борьбе с чувствами. Заставляю себя закрыть глаза, но тут же широко распахиваю их, когда в палату проникает тонкая полоска света. Тихие, осторожные шаги приближаются ко мне, резко затихают возле постели – и уходят куда-то в сторону.

В полумраке различаю очертания мощной фигуры. Опускается на неудобный стул в углу, вальяжно закинув ногу на ногу, ставит ноутбук на колени, открывает его – и свет от экрана ложится на волевое мужское лицо.

– Назар? – недоверчиво уточняю, думая, что он мне снится. Поворачивает голову, вопросительно вздергивает подбородок. – Что ты делаешь?

– Я поработаю немного, Надя, – небрежно сообщает, уткнувшись в монитор. – Надеюсь, свет от ноутбука не будет тебе мешать? Иначе я не успею до утра закончить твой график и выписать все назначения.

– Ты мог бы сделать это в своем кабинете, – чуть приподнимаюсь на локте и неуклюже перекатываюсь на бок. Наблюдаю, с каким важным видом Назар набирает какой-то текст.

Недоуменно моргаю, пытаюсь прогнать наваждение. Однако это не сон.

– Хочешь, чтобы я ушел? – прекращает печатать, а рука замирает над клавиатурой.

8.2

– Нет, – признаюсь сипло. – Останься.

Кивает, продолжает печатать, а я опускаю голову на подушку и подкладываю ладони под щеку. Беззастенчиво рассматриваю бывшего мужа. Спотыкаюсь на правой руке. Сияние бьет в обручальное кольцо, которое поблескивает в сумраке ночи.

– Ты женился? – выпаливаю на выдохе, но сразу же ругаю себя за импульсивность. Видимо, лекарства начинают действовать – и я расслабляюсь, теряя над собой контроль.

Вздохнув, зажмуриваюсь на миг, чтобы привести себя в чувство. Это не мое дело – я ведь сама подала на развод. Отпустила его. Сбежала от боли. Вот только легче не стало...

Назар замирает, непонимающе смотрит на меня. Проследив за моим взглядом, выставляет ладонь перед собой, большим пальцем прокручивает кольцо на безымянном. Хмыкает неопределенно, будто видит его впервые. Отложив ноутбук на тумбочку, снимает обручалку и протягивает мне.

– Да, – ухмыляется, пока я растерянно принимаю ее и не знаю, зачем. – Я и не разводился. Я был не согласен с твоим решением. Поэтому оставил кольцо... и твое – тоже.

Бросаю взгляд на внутренний ободок, с трудом нахожу гравировку «Н&Н». Первые буквы наших имен – Назар и Надежда. Из груди вырывается судорожный вздох, сердце

ритмично выбивает ребра, кровь в висках стучит в такт. Мне нечего сказать. Я шокирована и... где-то в глубине души чувствую облегчение. Проглатываю и слова, и эмоции. Не самое удачное время для выяснения отношений.

– Зачем?

– А почему Назар? – парирует он, намекая на имя нашего сына.

Молча возвращаю Богданову кольцо, и он мгновенно надевает его на палец, будто без него чувствует себя уязвимым и голым. Мне моего тоже не хватает...

– Я экономный, – пытается пошутить, сжимая ладонь в кулак, а затем зыркает на меня исподлобья и серьезно произносит: – Сохранил на случай если ты когда-нибудь вернешься.

– Вряд ли ты ожидал, что все произойдет так, – взмахиваю руками, указывая вниз, на свои ватные ноги, разбросанные по постели, как у сломанной куклы. Назар помогает мне лечь удобнее на боку, укладывает одну лодыжку на другую, подтягивает одеяло. Возится со мной, как с ребенком. – Зачем я тебе теперь?

Своей заботой он смущает меня и лишний раз напоминает о том, что я теперь жалкое подобие прежней Надежды. Резко выпрямившись, Назар смотрит на меня сверху, спрятав руки в карманы. Считывает мои эмоции и отходит от постели.

– В горе и в радости, – повторяет слова свадебной клятвы, неторопливо возвращаясь на свое место. – В богатстве и в

бедности, в болезни и в здравии...

Осекается, нахмутив брови, а я на автомате продолжаю:

– ...пока смерть не разлучит нас.

Затишаем оба. И эта пауза похожа на минуту молчания. Словно мы отдаем дань памяти нашей девочке.

Опускаю ресницы, в уголках глаз набираются слезы, стекают на подушку. Наволочка возле моего виска быстро намокает. Надеюсь, в темноте незаметно, что я опять плачу.

– Спокойной ночи, Надежда, завтра тебя ждет плодотворный день, – разрывает тишину Назар. Его бархатный баритон меня успокаивает. – Отдыхай.

Он удобнее устраивается на стуле, насколько это возможно, разминает шею и склоняется над ноутбуком. Барабанит пальцами по кнопкам, а я засыпаю под монотонный стук.

Сквозь тревожную дрему ощущаю, как с меня съезжает одеяло, но в следующую секунду вновь накрывает меня до самого горла. Щеки касается легкое, сбивчивое дыхание. Словно невесомый поцелуй. Не могу разлепить веки, налитые свинцом. Мычу что-то нечленораздельное, выбрасываю руку, пытаясь наощупь определить заботливого фантома. Ловлю теплую ладонь, сплетаю наши пальцы. Блаженно улыбаюсь.

«Не уходи», – прошу мысленно, а может быть, вслух. Хватка на моей руке становится крепче.

Под действием успокоительного наконец-то отключаюсь, зная, что Назар рядом...

* Назар встречается также в книге "Мальчишки в наследство. Спаси мою любовь" Читать на Литрес https://www.litres.ru/book/veronika-lesnevskaya/malchishki-v-nasledstvo-spasi-mou-lubov-70369015/?lfrom=1036471020&ref_offer=1&ref_key=3e0375ba0417e1b8

* Буктрейлер к книге здесь<https://youtu.be/2BdnUCf7x4c>

Глава 9

На следующее утро

Назар

– Я пообщался с твоей новой пациенткой, – с порога сообщает Жданов, быстро пересекает кабинет и занимает стул напротив.

– И? – отрываюсь от ноутбука, вскинув обеспокоенный взгляд на психолога.

– Даже не знаю, что тебе сказать, – напряженно хмурится, потирая подбородок. – На лицо все признаки депрессии, но ее природу определить сложно. Дело не в травме, точнее, не только в ней, – сцепив кисти в замок, подается вперед. – Однако Надежда почти ничего не рассказывает, ведет себя на удивление спокойно, мыслит здраво. Настораживает то, что она во всем со мной соглашается. Видимо, это защитная реакция. Она делает вид, что идет на контакт, а на самом деле замкнулась в себе. В общем, одного сеанса мне недостаточно.

– Хватит, больше не будет, – упираюсь ладонями в стол и встаю. – Спасибо, Андрей, твоя помощь не потребуется.

Отрицательно качнув головой, отхожу к окну. Убрав руки в карманы, через запотевшее стекло смотрю на плотную стену дождя. Погода ни к черту, голова раскалывается. Всю ночь глаз не сомкнул – работал, а потом сидел рядом с На-

дей, держа ее за руку. Прислушивался к каждому ее стону, боялся повторения истерики.

– Назар, обижаешь, – со спины приближается Жданов, становится рядом. – Сомневаешься в моем профессионализме?

– Нет, ты лучший психолог в центре, и я правда тебе благодарен, – дружески хлопаю его по плечу. – Просто слишком хорошо знаю Надежду. К сожалению, мы все это уже проходили однажды – и результат оказался плачевным... для меня, – добавляю тише и яростно сжимаю переносицу. Надавливаю до звездочек перед глазами. Тяжело вздыхаю, вновь возвращаясь к созерцанию осеннего пейзажа за окном. Картинка плывет вместе с подтеками дождя на мутном стекле, и мне кажется, что капли собираются в образ Нади. – Не хочу опять давить на нее.

– В коллективе слухи пошли, что тебя с пациенткой связывает что-то личное, – припечатывает меня после паузы.

– Это не слухи, – выпаливаю как на духу. – Надежда Богданова – моя жена. Бывшая. Два года назад мы потеряли первенца, год назад развелись.

Стискиваю челюсти, скрипнув зубами, цыкаю и злюсь. Чертов психолог! Даже меня вывел на эмоции, а Надю не смог.

– Следовало рассказать мне об этом до приема, а не после...

– Как ей помочь? – перебиваю обреченно, хотя обраща-

юсь, скорее, к самому себе. Тело я в состоянии излечить, а с душой – сложнее. Сердце Нади давно заперто от меня на замок, огромный амбарный.

– Попробуй сам до нее достучаться, – заявляет Андрей таким невозмутимым тоном, будто это легче простого.

– Если бы я знал, как, мы бы не разошлись, – чуть не рычу.

– Разговори ее, расслабь, отвлеки. Смени локацию. На сколько я понял, Надежда опасается медиков и всего, что с ними связано. Хотя после такого бывшего мужа, как ты – это не удивительно, – старается разрядить обстановку идиотским юмором, но спотыкается о мой ледяной взгляд. Мне не до смеха. – Забери ее к себе, в конце концов! У тебя же созданы все условия. Если я не ошибаюсь, ты принимаешь на дому...

– Детей, но не взрослых, – перебиваю, нахмурившись задумчиво. – Она не согласится.

В словах Жданова есть здравое зерно, однако Надя на пушечный выстрел не приблизится к нашему особняку. Слишком много воспоминаний хранит это место, как приятных, так и трагических.

– Доктор Богданов капитулирует перед слабой женщиной и отказывается бороться? Не верю, – хмыкает психолог, специально подначивая меня.

Не обронив больше ни слова, покидает кабинет, оставив дверь приоткрытой. Он делает это неспроста, а целенаправленно, ведь знает, что ВИП-палата Нади напротив. Манипулирует мной, как одним из своих пациентов. Впрочем, мне

бы, наверное, тоже не помешала психологическая помощь.

– Ах, черт! – доносится нервный голос Нади.

Вздрагиваю, услышав приглушенный стук, какой бывает от удара или падения. В несколько шагов оказываюсь в коридоре, без предупреждения врываюсь в палату. Взглядом ищу жену.

Сидит в коляске у зеркала. Волосы распущены и пшеничным водопадом струятся по спине. Голова склонилась набок, изящная ручка делает пас в воздухе, будто ловит или ищет что-то.

Присмотревшись, замечаю на полу, рядом с колесом, расческу. Выдыхаю с облегчением, поднимаю ее и становлюсь позади Нади. Встречаемся взглядами в отражении.

Слегка улыбаюсь ей и вижу, как тянутся вверх уголки бледных губ и как поблескивают прозрачно-голубые глаза, а на щеках проступает румянец. Чувствую себя енотом на пруду из детской сказки, только по ту сторону зеркальной глади – Надя. Она смягчается, словно прочитав мои мысли, – и я невольно повторяю ее эмоцию.

Ухмыльнувшись, запускаю ладонь в шелковистые волосы, подхватываю пышную копну снизу, приподнимаю на руке так, чтобы концы спадали свободно – и аккуратно веду гребнем по всей длине. Расчесываю неторопливо и бережно, стараюсь не дергать золотистые пряди.

Надя расправляет плечи, вытягивается по струнке, будто через ее позвоночник прошла спица, и застывает насторо-

женно. В отражении следит за каждым моим действием, но не оборачивается.

– Я могу сама... – сопротивляется неуверенно, а сама не шелохнется.

Красивая мраморная статуя – и такая же холодная по отношению ко мне.

– Раньше тебе нравилось, когда я трогал твои волосы, – хрипло шепнув, наклоняюсь к ее макушке. Отложив расческу, пропускаю локоны сквозь пальцы, подушечками невесомо массирую затылок, перемещаюсь к вискам. – Ты говорила, тебя это успокаивает.

Лихорадочно всхлипнув, Надя задерживает дыхание и прикрывает глаза. Надавливаю на нужные точки за ушами, спускаюсь к шее. Прохожусь по холке, чувствуя, как на ее коже проступают мурашки, поглаживаю их пальцами.

– Какие у нас планы на день? – томно произносит Надя и, опомнившись, уточняет. – Я имею в виду расписание.

– До обеда у тебя массаж и лечебная ванна, – информирую спокойно, несмотря на бушующий в груди ураган и горящие адским огнем ладони. – Физические упражнения перенесем на завтра. Сегодня тебе лучше расслабиться.

Опускаю руки ей на плечи, сжимаю, несмотря на то что каждое прикосновение отзывается покалыванием и почти настоящей болью. Кончиками пальцев упираюсь в ключицы и удивляюсь, насколько они острые.

Надя истощена, а ведь ей нужны силы для тренировок. Тя-

жело вздыхаю, недовольно покачивая головой. Потребуется больше времени на реабилитацию, чем я предполагал.

– А после обеда? – тихонько шепчет.

– Я отвезу тебя к сыну, – ставлю перед фактом, не спрашивая разрешения, но, поежившись под ее прищуренным взглядом, я все-таки поясняю: – Погода отвратительная, не стоит твоей матери везти малыша сюда под дождем. Побудешь дома до вечера, ближе к отбою я верну тебя в центр. Ночью я хотел бы находиться с тобой рядом, – звучит несколько двусмысленно, зато честно.

– Собираешься дежурить у моей постели без выходных? – бубнит себе под нос и хмурится. – Я в порядке, Назар. Лошадиная доза успокоительного творит чудеса.

– Минимальная, – кидаю как бы невзначай. – Я учел, что ты кормишь грудью, и сократил дозировку.

– Очень заботливо с твоей стороны. Ты очень внимателен к деталям, спасибо.

Надя вроде бы благодарна мне, однако ее безучастный тон меня корбит.

– Профессия обязывает, – собрав шикарные волосы в высокий хвост, фиксирую серебристой заколкой. – Я провожу тебя в массажный кабинет.

Лично передаю жену в руки Ангелины Владимировны, нашей опытной массажистки. Выхожу из помещения, чтобы никого не смущать, однако задерживаюсь под дверью. Кажется, что если я оставлю Надю хоть на минуту, то опять по-

теряю ее навсегда.

Цепляю проходящего мимо заместителя.

– Вячеслав Никитич, будьте добры, одним глазом приглядите за Богдановой, – прошу, придерживая его за локоть. – Я быстро домой съезжу за вещами и сразу же обратно. Постараюсь не задерживаться.

– Буду смотреть в оба, Назар Егорович, не беспокойтесь, – широко улыбается, понимая все без лишних слов, и мне действительно становится легче.

Меньше чем через час стою на крыльце собственного дома и не решаюсь открыть дверь. Знаю, что за ней меня ожидают одиночество и пустота – мои верные спутники на протяжении года. Перешагиваю порог, поднимаюсь в спальню.

Когда-то эту комнату мы делили с Надей.

Опускаюсь на край постели, падаю спиной на матрас, уткнувшись взглядом в потолок. Необычную скандинавскую люстру выбирала жена. Как и мебель из натурального дерева, картины на светлых стенах, меховой коврик у изножья кровати...

Все здесь хранит Надин след, ее вкус, любовь и тепло.

Непрошеную ностальгию прерывает внезапный звонок. Морщусь, доставая телефон из кармана брюк, сбрасываю не глядя. Но настырный сигнал вновь пронзает барабанные перепонки. Мазнув пальцем по дисплею, резко возвращаюсь в положение сидя, и нехотя отвечаю.

– Слушаю, Вика, – сдавленно цежу. Сдерживаюсь, чтобы

не обидеть ее. – Я же предупредил, что сегодня не приеду.

Глава 10

– Назарчик, не рычи, – мило щебечет, пытаюсь меня смягчить, однако момент не подходящий. В ответ могу издать лишь тяжелый, протяжный вздох. – Если ты мне понадобишься, я ведь тебя где угодно найду. Хоть дома, хоть на работе, причем заявлюсь лично. Ты меня знаешь, мой любимый трудоголик-самодур, – сюсюкается в трубку.

– Знаю с пеленок, моя малышка Викуся, – специально зову ее уменьшительно-ласкательно, на что она недовольно фырчит. Виктория у нас дама деловая, серьезная – и никому не позволяет разрушать ее имидж неприступной леди, даже мне и даже наедине. Однако сама нарвалась. – Тем не менее, ты не стучишь сейчас в мою дверь, а звонишь, что-обы... – тяну и намеренно делаю паузу, позволяя ей самостоятельно закончить фразу.

– Догадайся, Назар, – шипит сдавленно, и ее слова заглушает стук каблучков. Вика будто отходит в сторону, чтобы уединиться.

– Родители подослали? – усмехаюсь устало. – Зачем? Я же сказал, что занят сегодня. Заступаю в ночь.

– Как? Ты же только с дежурства, – ахает с неподдельной заботой, и на этой ноте я невольно теплею. Мы всегда были близки. Наша связь крепче кровной – она ментальная.

– Я теперь сам себе начальник. Хочу – дежурю днем, хочу

– ночью, хочу – сутками напролет, – подшучиваю невесело.

– Мда-а, работа мечты. Ну, может, это и к лучшему, – заговорщически намекает. – По крайней мере, сегодня.

– Хочешь сказать, что родители опять взялись за старое? А запланированный семейный ужин ожидает быть с сюрпризом? – закатываю глаза к потолку.

– М-м-м, – неопределенно мычит, чем подтверждает мою теорию.

– Ясно. А сюрприз голубоглазый и светловолосый, максимально напоминающий мою бывшую жену? За одним существенным отличием: у нее высшее медицинское образование, чтобы я не повторял ошибок прошлого, так? Я надеялся, отец уже все клиники и мединституты в округе перешерстил – и успокоился. Но нет, продолжает строить из себя сутенера в элитном борделе...

Не скрываю ярости. Достали не на шутку! Чувствую себя пацаном сопливым, которому в детсаду девчонку сватают.

– Не нервничай, опять за сердце хвататься будешь, – шепчет Вика виновато, хотя она не при чем. Наоборот, предупредить меня решила. – Посмотри на это с другой стороны. Родители о тебе беспокоятся и хотят, как лучше. Год прошел, а ты будто в трауре. Пора отпустить Надю, раз уж вернуть за столько времени так и не смог. Или не пытался, – добавляет с легким укором. Она всегда хорошо относилась к своей невестке, приняла ее в семью с первого дня без условностей. – К тому же, однажды у папы почти получилось те-

бе угодить. С Полиной, дочерью заслуженного хирурга. Помнишь ее?

– Это была ошибка. Я сто раз пожалел, что повелся, – отрезаю зло, мысленно выделив одну блондинку из целой вереницы клонов. Она была чертовски на Надю похожа, но только внешне, а под ухоженным фасадом скрывалась пустота. – Ее даже кольцо не смутило.

– Может, у нее любовь с первого взгляда случилась?

– Нет, сестренка, это другим словом называется: на «б» начинается... буква «л» там тоже есть, но на втором месте. А дальше...

– Назар! – повышает голос, смущаясь. – Сейчас у нас дома Полина, – признается чуть слышно.

– Очень вовремя, – бубню себе под нос и осекаюсь. О встрече с бывшей женой предпочитаю умолчать.

Наверное, Вика была бы не против узнать о появлении Нади в моей жизни. И точно обрадовалась бы тому, что у нас родился сын. Ее племянник. Но я обещал никому не говорить о маленьком Назарке – и сдержу слово.

Даст бог, сестра узнает обо всем позже – и станет лучшей тетей, о которой только можно мечтать. Педиатр по профессии, она очень любит детей, хотя своих пока не планирует. Утверждает, что строит карьеру, так что пеленки-распашонки будут ей в этом мешать. На мой взгляд, она просто не встретила достойного мужчину, а еще подсознательно боится, что выбор вместо нее сделают родители, выдав замуж за

какого-нибудь светило медицины, поэтому и отвергает сам институт брака.

– В любом случае, тебе пора встряхнуться. За год совсем стариком стал, нельзя же так, – продолжает поучать меня Вика, словно это она старше, а не я. – Попробуй отпустить прошлое.

Бьет по больному, но я не злюсь на нее за это. Сестра желает мне лучшего. Я помню, как она искренне поддерживала меня после потери дочери – и плакала навзрыд, забирая со мной тело... Ревела за нас двоих, ведь у меня и слезы высохли, и все внутри превратилось в пустыню.

Вика захлебывалась горем, пока врачи пытались вытащить Надю после кровотечения и стресса, а я... просто закрылся. Думал, так будет правильно, ведь в семье хоть кто-то должен сохранять холодный рассудок. Быть главой, опорой и поддержкой. Оказалось, я не более чем колосс на глиняных ногах и своим поведением не помог Наде, а разрушил ее и отпугнул.

– Без прошлого нет будущего, – бросаю ничего не значащую фразу, лишь бы закрыть разговор.

– Ты изведешь себя...

Молча встаю с кровати, покидаю спальню и бреду по коридору. Упираюсь в запертую дверь, прижимаюсь лбом к холодной деревянной поверхности.

– Поздно, – выдыхаю и отключаюсь, не попросившись. Вика не обидится – она девочка умная, все поймет.

Зато я идиот по жизни.

Словно наказывая себя, я нащупываю ключ над дверью, открываю замок – и захожу в комнату, которая должна была стать детской. Кроватка так до конца и не собрана, потому что Надя считала это плохой приметой. Суеверия не спасли нашего ребенка. А после... жена запретила что-либо трогать здесь, будто дочь все еще жива и обязательно вернется.

Не знаю, зачем, но исполняю ее волю до сих пор, а сам не верю в чудо.

Психологи в один голос рекомендовали избавиться от всего, что могло напоминать Наде о дочке. Твердили, будто так она быстрее смирится с потерей и придет в себя. Однако детская оставалась нашим маленьким секретом. Рука не поднималась выбросить все вещи. И не только потому что я опасался реакции жены – я и сам не хотел прощаться. Не был готов.

Видимо, зря...

– Довольно, Богданов, соберись! – приказываю сам себе и щелкаю пальцами перед лицом, чтобы очнуться.

Закрываю запретную комнату, которая делает меня слабым и уязвимым, хватаю сумку, складываю в нее сменную одежду, некоторые личные вещи. Со стороны выглядит так, будто я собрался на отдых. Однако реабилитационный центр курортом назвать сложно. Именно поэтому я не хочу надолго отлучаться от Нади.

Обойдя дом, задерживаюсь на кухне, чтобы выбросить

старые продукты и вынести мусор. Бросаю взгляд на обеденный стол, за которым мы раньше часто сидели с Надей. Сейчас кажется, что это было в какой-то другой, параллельной реальности, а может, и вовсе в моих фантазиях.

Интересно, она вернется когда-нибудь? Будет ли звучать в нашем особняке топот детских ножек? Как мы мечтали...

Прислушиваюсь... И у меня возникает стойкое ощущение, что я медленно схожу с ума. Потому что из холла отчетливо доносятся дробные, неуверенные шажки и лепет ребенка.

Сердце сжимается и неприятно ноет, но я заставляю его успокоиться. Всему должно быть логическое объяснение. Именно за этим я выхожу из кухни – и спотыкаюсь взглядом о маленькую девочку, которая пытается вырвать ручку из заботливой хватки бабушки и топчется на месте, заваливаясь из стороны в сторону, как неваляшка.

– Добрый день, Назар, я стучала, однако дверь вдруг сама открылась, – едва заметив меня, отзывается женщина. – На улице такой ливень, что я решила завести Ангелу в дом, раз уж не заперто.

– Да, конечно, – рассеянно киваю, не сводя глаз с девочки. – Честно говоря, забыл про вас. Из головы напрочь вылетело расписание. Простите, Евгения Климовна. Чудо, что застали меня дома.

– Сама виновата. Надо было позвонить и уточнить, будет ли прием, – вздыхает, понуриив плечи. – Мы такси отпустили.

Можно подождем следующую машину здесь? Прошу прощения, что отвлекаем...

Пока бабушка оправдывается, девчушка все-таки умудряется освободить ладошку и совершает рывок ко мне. Передвигает ножки, путаясь в них, но не падая. Евгения Климовна испуганно наклоняется, чтобы поймать ее, однако я остаю навливаю ее взмахом руки.

– Подождите. Не мешайте ей, – приседаю на корточки и жестом подзываю к себе малышку. – Иди ко мне, Ангелина. Смелее... Умничка.

Похваливаю ее, а сам наблюдаю за движениями, контролирую каждый шаткий шаг. Для двух лет девочка ходит плохо, если сравнивать с другими детьми ее возраста, но по сравнению с самой собой она сделала грандиозный скачок вперед, что не может не радовать. Тепло улыбаюсь ей, выставляя руки, а она спешит скорее ко мне, посмеиваясь довольно.

– Мы не будем пропускать занятие, – тихо сообщаю Евгении Климовне, а сам полностью концентрируюсь на ребенке.

Ангелине ставят задержку физического развития. Бабушка списывает это на родовую травму, однако в подробности не вдается, так что мне приходится работать с минимальными вводными. Я прошу лишь об одном: не спешить с диагнозом. Приговор можно вынести в любой момент, а стереть клеймо уже сложнее. Тем более, за полгода мы достигли заметных результатов. Если бы они обратились ко мне чуть

раньше, Ангелина сейчас бы уже бегала наравне с остальными детьми.

Пока что она без посторонней помощи преодолевает всю гостиную – и, расслабившись рядом со мной, счастливо падает в мои объятия. Прижимается ко мне всем хрупким, слабым тельцем, поднимает наивный взгляд карих глаз и простодушно выпаливает то, от чего в груди лопается натянутая струна.

– Па-а, – разносится по дому, окончательно добивая меня, как финальный аккорд странных, тяжелых суток.

Глава 11

Надежда

– Надеюсь, мы не сильно опоздали. Мне пришлось задержаться дома. Возникло неотложное дело, которое я никак не мог игнорировать.

Назар въезжает в небольшой дворик и замедляется. Аккуратно паркует автомобиль напротив невзрачного подъезда. Окидывает оценивающим взглядом многоэтажку, будто видит ее впервые, хотя именно отсюда забирал меня в день свадьбы. Напрягает лицо, и в первых вечерних сумерках оно кажется болезненно серым и хмурым, как мрачное осеннее небо над нами.

– Все в порядке, – выдавливаю из себя улыбку, проглатывая неуместные вопросы. Личная жизнь Богданова меня больше не касается, и я не имею права лезть в нее, поэтому заталкиваю ревнивый интерес как можно глубже. – Спасибо тебе. Ты не должен передо мной оправдываться.

Кивает, выходит из машины, скрываясь в плотной завесе сильного ливня. Промокает до нитки, пока достает из багажника коляску и несет ее на крыльцо дома, прячет под козырьком. Перешагнув через грязную лужу на площадке, возвращается, находит зонтик на заднем сиденье, а потом направляется к моей двери.

Спокойно продолжает нашу прерванную беседу, но его

хриплый голос приглушен шумом дождя.

– Я и не оправдываюсь. Искать отговорки – удел тех, кто в чем-то виноват. Я же себя таковым не считаю, – чеканит в привычной ему деловой, самоуверенной манере и наклоняется в салон, чтобы взять меня на руки. Подчиняюсь без пререканий, сама тянусь к Назару, потому что не хочу долго держать его под дождем. – Перехвати зонт. Держи строго над собой, чтобы не промокла, – командует, однако я упрямо стараюсь прикрыть нас обоих под небольшой площадью черного нейлона.

На мое плечо с кончиков спиц стекает вода, оставляет следы на рукаве плаща, но я не обращаю внимания на дискомфорт. До онемения в пальцах сжимаю рукоять зонта, который чуть не улетает от резкого порыва ветра, а свободной рукой сильнее обвиваю Назара за шею. Неосознанно веду ладонью по его сгорбленной спине, смахивая влагу с куртки.

Украдкой смотрю на сосредоточенный, волевой профиль. По переносице ползет капелька воды, зависает на кончике носа. Назар раздувает ноздри и дергает головой, чтобы стряхнуть дождемки с лица. Его руки заняты мной, однако он не раздражен по этому поводу. Наоборот, крепче прижимает меня к себе, суровым взором указывает на зонт, которой склонился в его сторону, наполовину открыв меня. Цокнув укоризненно, ускоряет шаг.

– Сегодня ко мне приезжала двухлетняя пациентка на массаж и ЛФК, – удивляет меня внезапным откровением.

Он слишком разговорчивый, словно мы опять одна семья. – Пропускать прием было нежелательно, тем более, когда мы добились значительных подвижек в ее физическом состоянии. Надо ловить момент, пока идет прогресс.

– Ты начал заниматься с детьми? – поднимаю брови, не сводя с него пристального взгляда. – Раньше ты принимал их очень редко и только по экстренным показаниям. Утверждал, что это большая ответственность, а тебе легче работать со взрослыми, которые четко могут обозначить, на что жалуются, и самостоятельно выполняют рекомендации.

– Ты хорошо меня знаешь, – покосившись на меня, Назар слегка усмехается, с целительным теплом и затаенной надеждой. – Все верно. Однако после развода я решил: пора в жизни что-то менять. Сначала у дяди за границей практиковал, но понял, что это немного не мое – и вернулся. Возглавил центр, который совсем недавно был в упадочном состоянии. Знаешь ли, не смог пройти мимо безнадежного медресе с символическим названием «Надежда», – загадочно улыбается, уставившись в завесу дождя перед собой. Преодолев ее, ступает со мной под спасительный козырек.

Усадив меня в кресло, открывает дверь подъезда. Придерживает ее носком ботинка, чтобы ветром не захлопнуло.

– Я помогу.

Сопровождает меня вплоть до лифта, нажимает кнопку вызова. В момент, когда я готова попрощаться и уточнить время, когда Назар заберет меня, он вдруг заходит следом.

Теснимся в сжатом помещении, пока закрываются створки. Воздух напитывается озоном, знакомым мужским ароматом и моим волнением.

– Неудобно, – скептически кривится Богданов, пока я дышу им. – Сложно тебе будет каждый раз заезжать, подниматься на свой этаж, выбираться из этой коробки на узкую площадку.

– Ты же обещал поставить меня на ноги, так что все это временно, – веду плечиком. Моя реакция Назару явно по душе. Он рад, что я поверила ему. – Расскажи, что было дальше? После того, как ты стал директором центра с моим именем? – прячу улыбку.

– Конечно же, уволил всех к чертям, сделал ремонт, перетряс документы. Только после этого центр продолжил работу, обновленный и не имеющий ничего общего с прежним коррумпированным руководством. Одной из первых ко мне обратилась бабушка с ребенком, которому нужна была помощь. Тогда меня и перещелкнуло. Я подумал, почему бы и нет? Восстановил частный кабинет, переоборудовал его немного. Теперь принимаю и в центре, и на дому. Преимущественно детей, – делает паузу, погружившись в мысли. Дальше говорит едва различимо, будто сам с собой: – Я не смог спасти своего – и вместо этого перенаправил энергию на чужих. Наверное, это своеобразная сублимация.

Лифт останавливается со скрежетом, встряхивает нас – и натужно открывается.

– Как зовут ребенка, что заставил тебя пересмотреть принципы? – оглядываюсь на Назара, который выталкивает мою коляску на лестничную площадку.

– Ангелина, – выдыхает, задумавшись на секунду о чем-то. В отливающих желтизной глазах мелькает светлая грусть. Однако Богданов быстро убирает эмоции. – К слову, именно она сегодня и задержала меня дома. Думаю, теперь ты понимаешь, почему я не мог им с бабушкой отказать.

– Да, – тихо соглашаюсь, прокручивая имя в мозгу. Красивое, нежное, воздушное. Девочка, наверное, такая же прелестная. – Уверена, малышка в надежных руках. Ты всегда был и остаешься хорошим врачом.

– Всего лишь врачом, – обреченно бубнит Назар, вдавливая кнопку звонка.

– Мы его отключили, чтобы громкая трель не будила и не пугала сына, – поясняю и осторожно стучу в дверь родительской квартиры.

– Прости, не подумал, – отступает.

Задираю голову, чтобы поймать его взгляд. Молчим – и в полной тишине слышим звук шагов. Дверь открывается, на пороге появляется мама в домашнем халате, вытирает руки о передник.

– Как Назарка? – спрашиваю без приветствия.

– Спит еще, но скоро кормление, – отчитывается, зыркая на Богданова за моей спиной. – Здравствуйте.

– Добрый вечер, Наталья Петровна, – доносится в ответ

так же скупо и сухо.

– Наденька, а доктор?.. – неуверенно мнется мама, не зная, как вести себя с бывшим зятем.

От Назара тоже веет неловкостью. Наверняка он чувствует себя лишним. Собирается уйти, но...

– А доктор останется с нами на ужин, если ты не против, – выпаливаю невозмутимо, пока сердце отстукивает чечетку по ребрам.

Глава 12

Назар

Уговариваю себя уйти, но тело не слушается. Ноги будто вросли в бетон лестничной площадки, а взгляд прикован к светлой, отливающей золотом макушке Нади.

Нет, я все равно никуда не уеду. Буду ждать ее в машине под проливным дождем. Буду караулить у подъезда. Как верный пес – под дверью своей хозяйки.

Дам ей время пообщаться с семьей, частью которой я так и не смог стать, побыть с сыном, которого я не заслужил, отдохнуть... в том числе и от меня. После – верну Надю в центр, чтобы продолжить дежурить у ее постели ночью. Пока что это все, что мне доступно.

– Доктор останется с нами на ужин, если ты не против, – тихая, но убедительная фраза вгоняет в ступор. Судя по реакции тещи, не только меня.

– Д-да-а, – ошеломленно тянет Наталья Петровна, хлопая ресницами, однако в квартиру меня не пускает. Осознав, что ведет себя совсем не так, как подобает гостеприимной хозяйке, в мгновение ока исправляется. – Да, конечно, проходите! Я подготовлю еще приборы и посуду.

Освобождает проход, а я стою как вкопанный, одной ладонью с силой сжимаю ручку Надиной коляски.

– Назар, ты согласен? – жена поднимает искристый взгляд

на меня. – Поможешь? – кивает на мой окаменелый кулак, а потом на высокий порог, который ей сложно преодолеть в инвалидном кресле самостоятельно.

– Кхм-кхм, да... – часто дышу, надавливая на спинку и приподнимая передние маленькие колеса, а следом – основные большие. Вкатываю коляску в коридор. Плечом захлопываю за нами дверь. – Конечно, благодарю за приглашение, но...

– Останься, пожалуйста, – повернувшись, Надя накрывает мою кисть с побелевшими от напряжения костяшками своей аккуратной, прохладной ладонью.

– Какие люди, – нарушает паузу хриплый, грубый голос тества. – Добрый вечер.

– Здравствуйте, Геннадий Андреевич.

Обмениваемся сухим, быстрым рукопожатием. Буравим друг друга взглядом. Он будто укоряет меня в чем-то, но я в упор не вижу своей вины ни перед ними, ни перед Надей. Впрочем, для родителей бывшей жены я, наверное, так и останусь нежеланным зятем.

– Мама, можешь мне переодеться? – неловкую тишину разрывает Надя. – Я не могу пойти к сыну сразу после улицы. Да и Назару не помешала бы сменная футболка. Мы промокли по пути к подъезду. Пап?

Заметно, что Надя нервничает и суетится, пытаюсь снизить градус напряжения, что зашкаливает и грозит большим взрывом. Не придумывает ничего лучше, кроме как занять

каждого из нас делом и развести по разным углам воображаемого ринга. Прием срабатывает.

– Ладно, пойду найду для тебя что-нибудь, коль не брезгуешь, Богданов, – с сарказмом бросает тесть, когда Надя с матерью скрываются в комнате.

– Никогда не брезговал, – парирую спокойно.

– Подожди на кухне, – указывает рукой направление, хотя я и так помню планировку квартиры. – Присаживайся, располагайся, почувствуй себя, как дома. Вроде, не совсем чужой.

Развернувшись, шоркает в сторону спальни, а я скидываю мокрую куртку, вешаю на крючок, однако не спешу идти на кухню. Замираю в коридоре, будто пытаюсь слиться с интерьером. Озираюсь, как вор.

Знаю, что квартира трехкомнатная. Взгляд устремляется в самую дальнюю дверь, плотно закрытую. За ней – компактное, уютное помещение, которое логичнее всего было бы обустроить под детскую. Скорее всего, именно там сейчас и спит Назарка, наш с Надей сын.

Больно. Мозг по-прежнему не может принять ситуацию. Ломается. Ноги машинально ведут меня прямо, пока я чуть ли не упираюсь лбом в деревянное полотно.

Перевожу дыхание. Из-за двери доносится детский плач. Сын проснулся?

Его зов действует на меня гипнотизирующе. Не замечаю, как врываюсь в комнату – и нависаю над кроватью. Внутренние предохранители сгорают, дальше включается автопи-

ЛОТ.

12.2

Хватаю влажные салфетки с пеленального столика, вытираю руки. Закатываю рукава, будто готовлюсь к операции. Подцепляю одну из чистых, выглаженных пеленок, чтобы прикрыть ей рубашку. Работа в больнице приучила меня к стерильности, так что провожу комплекс мер, не задумываясь.

Только потом протягиваю руки к Назарке. Призвав элементарные знания о детях такого возраста, бережно поднимаю его, слегка придерживая голову. Прокладываю пеленку между собой и крохотным тельцем сына.

Умолкает. А я не знаю, как себя вести с собственным ребенком.

Прижимаю его к груди, отчетливо ощущая детское тепло. Впускаю в нос сладковатый, молочный запах. Хрипло шепчу сыну: "Привет".

Несколько минут просто смотрим друг на друга, как два инопланетянина во время первого контакта. Изучаем, запоминаем.

Я почти не дышу. Он больше не плачет.

Меня будто парализует, так что я даже не двигаюсь, когда в коридоре слышатся голоса, а затем раздается скрип распахнувшейся двери.

– Назар, давай мне его, – тихий, нежный голос Нади воз-

вращает в реальность. – Я покормлю.

Медленно, как заклинивший робот, поворачиваю сначала голову, а потом и весь корпус. Заторможено киваю, не сводя глаз с ребенка. Боковым зрением замечаю, как Надя жестом отпускает мать. Берет футболку у отца, и тот тоже уходит.

Остаемся наедине.

– Можешь пока переодеться, – шепчет и с теплой улыбкой принимает из моих рук сына.

Прикладывает к груди, и Назарка дергает за ткань ее платья с запахом. Края расходятся, оголяя ложбинку и верх одного полушария.

– Где вам будет удобнее? – очнувшись, захожу Наде за спину.

– У окна, рядом с пеленальным столиком, – отзывается едва уловимо. Рвано, лихорадочно дышит, так что грудь судорожно поднимается и опускается в такт.

Делаю так, как она просит. Фиксирую кресло, чтобы не покатилося назад.

– Спасибо, иди поужинай. Мы справимся. Если что-нибудь будет нужно, я позову, – лепечет Надя, не оглядываясь. Возится с ребенком, который требует грудь. – Только оставь дверь открытой, чтобы вы меня услышали.

Расстегиваю липкую, холодную рубашку, небрежно бросаю ее на стул в углу. Натягиваю на себя футболку из гардероба тестя. Как в тот день, когда у меня заглохла машина во дворе и я остался у Нади ночевать. Разумеется, в отдель-

ной комнате, ведь мы тогда только встречались, а отец у нее строгих нравов. Кажется, это было в прошлой жизни и не с нами.

Правильнее было бы покинуть детскую и не мешать Наде, но...

Вопреки ее просьбе, я запираю комнату. Уверенно огибаю коляску и присаживаюсь на край дивана так, чтобы видеть жену в профиль. Сын лежит головкой ко мне, макушка прикрывает грудь, а сжатый кулачок покоится на молочном полушарии. В повисшей тишине доносятся причмокивающие звуки и детское мурлыканье.

Теряю счет времени. Не знаю, сколько мы сидим вот так, ни словом не обмолвившись. Вроде бы вместе, но на самом деле бесконечно далеко друг от друга.

Надя не прогоняет. Я сам не ухожу.

Неловкость между нами превращается в пропасть. Пока, наконец, жена не делает первый шаг в бездну.

– Я хотела рассказать тебе, – заявляет вдруг.

– Но не сделала этого, – добавляю обреченно, лаская взглядом сына.

– Во время беременности не было смысла, ведь никто не мог дать гарантии, что история не повторится, – голос Нади срывается в стон. – На скрининг я не пошла принципиально. Можешь осуждать меня, но я заранее знала, что буду рожать, несмотря ни на что. А еще... дико боялась очередного диагноза.

– Я не осуждаю...

– Первые месяцы после родов выдались тяжелыми, – продолжает откровенничать, а я впитываю каждую деталь, будто таким образом становлюсь ближе к сыну. – Колики, крики, бессонные ночи. А потом случилась авария, после которой мы с тобой встретились. Теперь ты в курсе, что стал отцом. Я не буду препятствовать твоему общению с сыном. Если ты захочешь...

– Конечно, хочу, – огрызаюсь импульсивно. – Странная реплика.

– Извини, если обидела. Даже мысли об этом не было, – закусывает губу. – За год я совершенно разучилась общаться с тобой.

– Взаимно, – горько усмехаюсь. – Противоречивые ощущения, будто мы ведем переговоры. О судьбе нашего общего проекта.

– Надеюсь, ты полюбишь его, – фокусируется на мне, а с ее длинных ресниц срываются слезы.

– Разве это не очевидно? – выгибаю бровь. – Он мой сын, родная кровь. Я уже люблю его. По умолчанию.

Легкая улыбка трогает обескровленные губы, бледные щеки окрашиваются слабым румянцем. Надя поглаживает ребенка по макушке, продолжает кормить его, а сама не разрывает зрительного контакта со мной.

Это так интимно и по-семейному, что я решаюсь на отчаянный шаг. Подаю вперед, сцепив кисти в замок, и выпа-

ливаю на одном выдохе:

– Надя, я предлагаю вам с сыном переехать ко мне. Дом большой, все условия...

– Назар, прошу тебя... – перебивает меня поспешно, а в небесно-голубых омотах плещется страх. – Не сейчас. Давай сохраним то, что имеем на данный момент. Наше хрупкое равновесие. Иначе рискуем все испортить.

– Как скажешь, – откидываюсь на спинку дивана. – Как скажешь...

Глава 13

Три недели спустя

Надежда

Пульс зашкаливает, дыхание тяжелое и частое, сердце выпрыгивает из груди и стучит в горле. Волосы на висках и затылке намочили, лоб покрыт испариной, к ложбинке груди стекают капельки пота. Кровь циркулирует по всему телу, но больше всего ее концентрируется в моих слабых ногах, которые двигаются в ритме, заданном тренажером.

Не выдерживаю нагрузки – и с губ срывается сиплый стон.

– Стоп, – командирским тоном бросает Назар и нажимает пару кнопок на дисплее.

Тренажер замедляется, и я буквально повисаю на страховке. Руки леденеют, заклинив на брусьях. Ноги, наоборот, будто горят в огне, хотя, скорее всего, мне опять кажется, ведь я их по-прежнему не чувствую.

Специальные приспособления, которыми я вся окружена и обмотана, делают основную работу за меня. Это не ходьба, а просто имитация. Обман мышц. Но изо дня в день я усердно повторяю однотипные, монотонные упражнения под чутким руководством Назара.

– Устала? – тихо интересуется.

– Нет, – лгу, дерзко вскинув подбородок.

– Боец, – звучит с восхищенным смешком.

Богданов редко меня хвалит. В основном, дает указания, делает себе пометки, сухо сообщает итоги и назначает новые тренировки. Я как белка в колесе, бегаю по кругу. Изо дня в день. Бесконечно. Но я не отчаиваюсь. Наоборот, упорно работаю над собой, не жалея сил.

Редкие приободряющие реплики и теплые взгляды – это все, чем может поощрить меня Назар. С другой стороны, если бы он пожалел меня, я бы сразу расклеилась и разрыдалась у него на груди, а за три недели мы бы не достигли никаких результатов. Вместо занятий Богданов постоянно вытирал бы мне слезы. Так как он хорошо изучил меня за годы брака, то выбрал оптимальный подход. Кнут на протяжении всей тренировки, а после – пряник, правда, зачерствевший и без сахара.

– Что еще по плану? – выдерживаю уверенный тон, пока пальцы впиваются в поручни, а в ушах шумит кровь. Кажется, еще одно движение – и я упаду замертво, однако упрямый характер не позволяет мне признаться в этом.

Ухмыльнувшись, Назар ступает ко мне на дорожку, расстегивает ремни и освобождает меня от страховки. С губ срывается облегченный выдох, но следом легкие парализует, потому что вместо того чтобы забрать меня и усадить в коляску, Богданов вдруг делает шаг назад.

– Попробуй постоять самостоятельно, Надя, – невозмутимо роняет, встав напротив меня и сцепив ладони перед собой.

Наблюдает за мной исподлобья, сдвинув брови к переносице. Он не может не видеть, как дрожат мои колени, как сгибаются локти, как белеют костяшки пальцев, которыми я врезаюсь в поручни. Я с трудом держусь на руках, не рискуя перенести тяжесть на ноги. Иначе рухну незамедлительно.

На лице моего мучителя ни один мускул не дрогнет. Он из тех тренеров, кто учит плавать радикальным способом: просто бросает в воду, чтобы сам выплыл.

Общаемся с Назаром взглядами. В моем – возмущение и мольба, в его – вызов и... вера. Всепоглощающая вера в мои силы. Это вдохновляет.

– Хорошо...

На секунду прикрываю глаза, шумно втягиваю носом кислород.

Затаив дыхание, чуть ослабляю затекшие руки и пытаюсь опереться на ноги. Ступни полностью стоят на специальном покрытии дорожки, тело покачивается. И вдруг... позвоночник пронзает разряд молнии. По всей длине, будто в меня резко вогнали штырь. Волна катится вниз, к бедрам и даже лодыжкам. Пальцы ног покалывает, будто они отходят после онемения.

– Больно, – признаюсь неожиданно сама для себя и хмурюсь, опустив взгляд на дрожащие колени.

Назар делает едва уловимый рывок ко мне, но останавливает себя. Вытягивает руки по швам, запрещая им трогать меня.

– Хм, неплохо, – внезапно заявляет, вместо того чтобы спасти и пожалеть. – Где именно?

– Назар, ты меня вообще слышишь? – начинаю злиться. Я готова ударить его за равнодушие, но не дотянусь. – Мне больно! Помоги сесть в коляску, – от гнева и страха срываюсь на крик.

– Наша цель – добиться того, чтобы ты никогда в нее не вернулась, – спокойно чеканит Богданов. – Надя, на меня посмотри, – зовет взволнованно, и я поднимаю мутный взор. Тону в бурлящем океане эмоций, которые плещутся в его карих глазах и которые он тщательно скрывает. – У тебя появляется чувствительность. Мне важно знать, где именно больно?

– Поясница. Копчик, – попискиваю сквозь стоны. – Отдает в правое бедро.

– Отлично, иди ко мне, – подает мне руку, но не приближается. Оценив расстояние между нами, я осознаю, что никак не смогу достать.

– Шутишь? Назар, ты...

– Самый жестокий и грубый врач в центре, – вздыхает тяжело и протяжно. – Я в курсе. Надя, давай! Ты сможешь, – выставляет ладонь, которую я гипнотизирую взглядом.

Руки слабеют. Я больше ни секунды не смогу продержаться.

– Черт бы тебя побрал, Богданов, – шиплю беззлобно. Скорее, отчаянно.

Отпускаю поручни, подаюсь корпусом вперед и...

Ноги подкашиваются, а я падаю, зажмурившись. Собираюсь встретиться носом с полом, но чудом оказываюсь в горячих объятиях Назара. Вместе мы опускаемся на дорожку. Он стоит на коленях, крепко прижимая меня к груди, а я впиваюсь пальцами в лацканы его халата.

Все. Срыв. И я даю волю эмоциям, которые выплескиваются из меня вместе с потоками слез. Всклипываю, уткнувшись носом в плечо Назара.

– Ну, ничего-ничего, продолжим завтра, – нашептывает он, поглаживая меня по спине. – Тш-ш, все хорошо, – целует в мокрый висок. – Сделаем контрольные снимки. Если все нормально, следующим этапом будем учиться шагать без страховки и тренажера, а просто на брусках.

– Я устала, – запрокидываю голову. Смотрю на Назара, но его лицо смазывается.

– Знаю, Наденька. На сегодня мы закончили, – поднимает меня на руки, и я обессиленно роняю голову ему на грудь. – Давай в душ, Марья Петровна тебе поможет искупаться и переодеться, раз меня до сих пор стесняешься. Потом поедем к сыну, – приговаривает, усаживая меня в коляску. – Или хочешь отдохнуть? – задает провокационный вопрос.

– Нет! – бодро вскрикиваю, оглянувшись на него. – Я хочу к сыну!

Успеваю заметить играющую на его лице улыбку. Отвернувшись, я и сама довольно растекаюсь, как Чеширский кот.

Стираю ладонями слезы, уничтожая следы моей слабости.

– Через час жду во дворе, я как раз успею Ангелину принять, – беседует со мной Назар, пока мы покидаем зал. – Договорились, что сегодня занятие пройдет в центре, так как домой я бы не успел съездить.

– Ты поселился на работе, Назар...

– Ради тебя, – хмыкает невозмутимо.

– Познакомишь со своей крошкой-пациенткой? – вдруг прошу его, хотя наверняка это звучит глупо.

– Да, можно, – не спорит, хотя зачем ему это? А мне? Умолкаем, задумавшись, а в конце коридора прощаемся как ни в чем не бывало. – Ладно, тогда встретимся на улице возле нашей скамейки.

Назар наклоняется ко мне, будто бы за прощальным поцелуем. Такая традиция появилась у нас, когда бы были женаты. Неосознанно подаюсь навстречу. И мы оба замираем в сантиметре друг от друга.

Почти соприкасаемся носами, обмениваемся сбивчивым, рваным дыханием. Смотрим друг другу в глаза, одновременно опускаем взгляды на губы.

Вдох. Один на двоих.

Опомнившись, отшатываемся друг от друга. Кивнув на прощание, молча разделяемся.

Я направляюсь в палату, где меня ждет медсестра, Назар закрывается в кабинете.

– Безумие, – ошеломленно выдыхаю, только сейчас осо-

знав, что мы чуть не поцеловались по инерции, как настоящие муж и жена. Словно забыли о разводе. – Безумие, – повторяю, схватив полотенце и прижав к груди.

* * *

Ровно через час я неторопливо еду по аллее. Останавливаю коляску рядом со скамейкой, которую Назар так трепетно назвал «нашей». Первый разговор состоялся именно здесь, а потом мы не раз возвращались сюда во время обеденных прогулок. От приятных воспоминаний под ребрами разливается топленый мед, а губы растягиваются в мягкой улыбке.

– Па, – порыв ветра приносит с собой детский голосок, вызывающий у меня странную, острую реакцию.

Озираюсь в поисках источника звука. Сердце заходится в агонии, жар пульсирует в висках.

Что происходит со мной?

– Ангелина, дядя Назар, – исправляет девочку незнакомая мне женщина. – На-зар.

– Па, – упрямо спорит ребенок.

– Извините, Назар Егорович. Не слушается.

Всматриваюсь в фигуры, движущиеся вдоль аллеи ко мне. Фокусируюсь на детской коляске, рядом с которой шатко топает малыш, держась за край дуги.

– Ничего страшного. А где ее настоящий отец? – Богданов касается личной жизни пациента, что обычно ему несвойственно.

– Его нет, – коротко отрезает женщина. На вид ей лет пятьдесят с небольшим. Видимо, это бабушка Ангелины. Спohватившись, она неожиданно тормозит, хлопает себя по плечу, осматривает коляску. – Вот растяпа, сумку забыла в приемной.

– Идите, я присмотрю за ней, – Назар перехватывает коляску, отпуская женщину, которая спешит обратно к зданию центра.

Пока они оба отвлекаются, девчушка замечает меня. Поразмыслив, отпускает дугу – и пытается побежать мне навстречу. Ножки едва ее держат, заплетаются, худенькое тельце покачивается из стороны в сторону, ручки расставлены для равновесия.

– Ангела, – беспокойно окликает ее Назар.

Слишком резко и громко. Зря...

Крошка вздрагивает и ускоряется, улепетывая от дяди доктора. Не рассчитав свои силы, спотыкается и летит вниз, распластавшись на земле в паре метрах от меня.

Секундная заминка – и по всему двору разносится душе-раздирающий крик.

Забываю, что парализована. Отталкиваюсь руками от коляски, чтобы поднять свое непослушное тело, которое стало для меня тюрьмой. Выпрямляюсь из последних сил. В состоянии аффекта делаю шаг. Еще один. На большее меня не хватает.

В точности как Ангелина, теперь и я падаю на плитку на-

против нее, разрывая колготки и счесывая колени в кровь.
Плевать!

Протягиваю руки, сгребаю ревущего ребенка в охапку и прижимаю к себе.

– Не плачь, маленькая, – поглаживаю по головке, целую в макушку. – Все хорошо, моя девочка.

– Па-а, – жалобно зовет она.

– Папа полечит, малышка, – соглашаюсь на автомате, не придавая значения своим словам. – Папа полечит, не плачь.

Меня трясет, не могу выпустить из рук Ангелину, даже когда Назар приседает на корточки рядом с нами. Говорит что-то, зовет, повышает голос. А я не слышу! Не понимаю!

Ничего не имеет значения, кроме ребенка в моих объятиях. Девочка вскидывает подбородок и внимательно изучает меня, чужую тетю. Шмыгает носиком, а я сканирую ее в поисках ран, царапин и увечий.

Инстинктивно расцеловываю соленые щечки, касаюсь губами лба, смотрю в большие, желто-карие глаза. В памяти всплывает осознанный, умный взгляд моей новорожденной дочери.

Два образа сливаются в единое целое.

Сердце останавливается. Прямая линия.

Вокруг белый шум.

– Надя! – еле пробивается сквозь слой ваты, внутри которой парим, как в облаках, мы с малышкой. – Надя, дай мне Ангелину! Я осмотрю. Ты сама как, Надя? Поранилась?

Назара будто не существует, как не было его рядом тогда, два года назад...

Я возвращаюсь в тот день, когда у меня забрали дочь. И не могу допустить повторения! Нет!

Сажусь на холодную плитку, устраиваю девочку на коленях, покачиваю – и она затихает, прильнув ко мне. Схожу с ума, теряя остатки здравого смысла и покорно утопая в собственном безумии.

– Назар, – хриплю, не отрывая взора от лица Ангелины. – Кто эта девочка? Она так на тебя похожа, – шепчу будто в бреду и чувствую, как он обнимает нас обеих.

– Нет, Надя, спокойно, – включает врачебный тон. – Приди в себя, милая. Отдай мне мою пациентку, я обработаю ей ссадины, – уговаривает, будто общается с чокнутой.

– У нее твои глаза, Назар, – произношу заплетающимся языком. – Это наша дочка?

Глава 14

Назар

– Нашего ребенка больше

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.